MICHAEL GUBA

ВІЛЬНЕ КАЗАЧЕСТВО

ВОЛЬНОЕ КОЗАЧЕСТВО

25-го декабря 1929 г.

ПРАГА

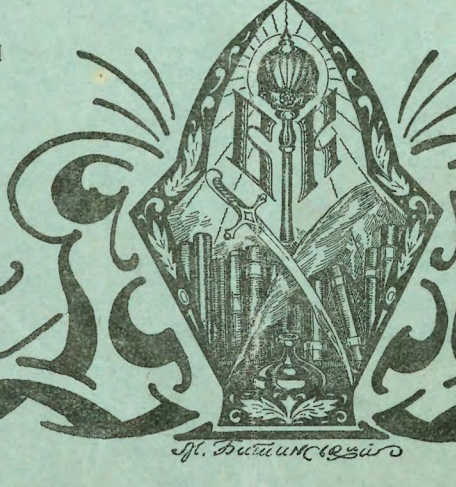
50

25-го грудня 1929 р.

PRAHA

ГОД ИЗДАНИЯ 3-ий

РІК ВИДАННЯ 3-ій



ОГЛАВЛЕНИЕ.

1. **Борис Кундрюцков:** Смертный бой.
2. **С. Макеев:** В Рождественскую ночь.
3. **Любовь Самсонова:** Сказочка.
4. **Санжа Балыков:** Лампадка Божья.
5. **Алексей Персидсков:** Жидовка,
6. **Олександер Півень:** Василь та Наталка.

7. **Праздник Вольного Казачества.**
   Речь редактора **И. А. Билого.**
   Речь **И. Ф. Быкадорова.**
   Слово инж. **В. Бейсуга.**
   Речь **Константина Полякова.**
   Слово **С. Б. Балыкова.**
   Речь проф. **М. А. Славинского.**
   Приветственное слово представителя горцев.
   Речь **Ив. Ст. Бойко.**
   Слово **Ф. М. Штовханя.**
   Слово проф. **Ф. А. Щербины.**
   Слово **Г. В. Омельченка.**
8. Приветствия, полученные редакцией ко дню 10 декабря.
9. Концертное отделение.
10. Думы и мысли.
11. В С. С. С. Р.
12. В Казачьих Землях.

Почтовый ящик

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“.

Югославия. — Г. М. — Ответ послан. Привет.

Бразилия. — С. С. — Все одержано. Добре. Вітаємо.

Польша. — Е. К. — Все получено. Хорошо. Привет.

Варшава. — С. Р. — Высылка была прекращена после возвращения одного из номеров „за нерозыском адресата“. Сейчас послано. Привет.

Германия. — А. К. — Календарь будет послан.

Братислава. — Г. Е. — Будет послан. Привет.

Югославия — М. Ф. — Будет послан.

Прага. — Н.-Л. Получено. Привет.

Германия. — А. Т. Спасибо. Привет.

Югославия. — Х.-Д. — Спасибо. Привет.

Франция. — П. Н. — Получено. Ответ будет. Книга ген. Быкадорова скоро выйдет из печати и тогда будет Вам послана. Привет.

Болгария. — И. У. — Все будет послано своевременно. Привет.

Польша. — Н. Ш. — Будет послано. Привет.

Белград. — Г. К. — Думаем, что имеете неправильные информации. Привет.

София. — И. Е. — Хорошо, что отозвались. Привет.

Белград. — В. К. — „Тернии“ получены. Привет.

Югославия. — М. П. — Все получено. Большое спасибо.

Румыния. — В. Е. — Все сделано. Календарь всем послан будет своевременно. За последнее письмо — спасибо. Привет.

Франция. — В. С. — Получено. Подойдет. Привет.

Болгария — Я. Л. — „Пауки“ получены. Подойдет. Привет.

Югославия. — Т. Д. — Получено. Хорошо. Привет.

Орловат. — Г. А. — Получено. Хорошо. Привет.

Югославия. — А. П. — Р. Х. будет помещено в след. номере. Привет.

Земун. — П. К. — „Конец“ получен. Привет.

Польша. — В. Е. — Поднятый Вами вопрос о с'езде казачьей эмиграции для решения казачьего вопроса заслуживает всяческого внимания. Но думаем, что каждый, кто такой вопрос поднимает, должен решить сначала некоторые практически весьма существенные вопросы, а о визах и средствах — в первую очередь. В самом деле: в какой стране можно было бы устроить казачий с'езд (надо же получить в эту страну визы всем участникам с'езда из других стран) и где взять те очень большие средства какие для осуществления такого с'езда нужны?

Братислава. — И. Б. — Получено, но, к сожалению, поздно. Привет.

Болгария. — Н. П. — Получено. Привет.

Франция. — Е. Я. — Все получено. Спасибо. Не верьте всем „подкапывающимся“.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: **Виктор Карпушкин.**

В БРАТИСЛАВЕ: **А. Л. Персидсков.**

В ПОДЄБРАДАХ: **Ф. М. Штовхань.**

В РУМЫНИИ

В. П. Елисеев.

M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.

В БОЛГАРИИ:

Т. Л. Ляхов.

София, ул. Хаджи-Димитров, 3.

Н. В. Аниканов.

С. Княжево-Софийско, бульв. Царь Борис, 85.

В ЮГОСЛАВИИ

Б. А. Кундрюцков. Београд, Драгачевска, 15

F. G. Polkovnikov. Zagreb, Kuniščak, „Ruski dom“.

ВО ФРАНЦИИ.

С. М. Макеев. (M-eur S. Makeeff).
Le Grillon, Cagnes s/m, France.

Е. М. Якименко: M-eur Yakimenko,
44, rue Rouelle, Paris (15).

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ

Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff,)
21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

В ПОЛЬШЕ:

В. А. Донецкий. Warszawa.

LES COSAQUES LIBRES

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Редактор **И. А. Билый.**

Редакция и контора: Praha-Vinohrady, Radhoštská, 9. Tchécoslovaquie.

№ 50 *Прага, среда 25-го декабря 1929 г.* *№ 50*

Борис Кундрюцков. (*Белград*).

СМЕРТНЫЙ БОЙ.

Степь, бесконечная степь...
Ночь, беспросветная ночь...
Чуток дозор мертвецов...
. . . . . .
Ветер воет,
Ветер плачет...
За курганом — топот... Скачет,
Кто-то скачет.
— Кто там скачет?
Кто там мчится к нам? Пароль?
— Вольность и Дон...
— Вынь патрон.
Наш...
Вот он, в крови весь, живой человек
К мертвым бойцам прискакал.
Конь, на дыбы приподнявшись, заржал.
Всадник пригнулся к луке и сказал:
— Я — Каледин!.. Дону помощь нужна.
. . . . . .
. . . . . .
Тревога,
Тревога,
Тревога...
Высокий трубач по могилам
Тревогу средь мертвых разносит.
Высокий трубач на карьере
Трубой на все стороны водит.
. . . . . .
Песок разгребая и ил,
Ермак, страшным гневом пылая,
Вылазит. За ним из могил
Дружина встает боевая.
И Драный, лихого седлая коня,
Спешит собирать Булавинцев;
И Разин от Волги, грозясь и шумя,
Ведет казаков-пехотинцев.
И тянут снаряды и пушки свои,
— Крюки, топоры и дреколье.
— Станичники — громко взывают они,
Неужли-ж сдадим свое Поле?
Как вихорь врываясь в стан,
Тряся золотой булавою,
Сары прискакал сам Аз-Ман,
С бесчисленной конной толпою.
Граф Платов, Некрасов Игнатий
На зов трубача поспешают,
В кругу удалой своей братьи
Стоит Емельян. Вынимают
Кривые клинки из ножен...
. . . . . .
И молча Вождя выбирают...
. . . . . .
Тот Вождь — неизвестный, былой Атаман,
Степной богатырь позабытый,
Бесстрашный, спокойный, донской великан,
Когда-то, в сраженьи, убитый.
Коня посылая вперед,
Тяжелую подняв насеку,
Сказал он:
— Родные... в поход!..
И призраки лавой пошли по степям,
В станицах восстали живые,
Навстречу проклятым, коварным врагам
Все силы сплотились степные:
За волю,
За счастье,
За степи,
За Дон.
. . . .
Ветер воет,
Ветер плачет...
Грозен топот. Кто то скачет.
— Кто там скачет?
— Кто там скачет?
— Ка-за-ки

Залп их встретил трескучий,
Русские темной надвинулись тучей,
Сколько ж их, сколько?
Вперед, казаки. Господи, Господи нам по-
Русь побежала, винтовки бросают, [моги!..
Их Атаманы, летя, настигают.

Рубят, и топчат, и колют они,
Пики ломаются, шашки в крови...
Ненависть жгучая...
Тяжкая боль...
Вечностью выжженый в сердце
Пароль:
Вольность и Дон.
. . . . . .
— Братцы! — вдруг слышат, кричит Емельян —
— Сзади, нам в спину... Смотри, иль я — пьян?
Сзади, в погонах предателей рать,
Вольность казачью хотят отобрать.
. . . . . .
Вот... и сомкнулось стальное кольцо.
Эй, Каледин? —
Побледнело лицо...
— Гибель идет к нам... Спасенья нам нет...
Призрак приставил к груди пистолет.
Выстрел не слышен, но на земь с седла
Тихо свалилася тень казака.
Стяги донские и крутит и рвет...
С пеной у рта Булавин отстает,
Тает и тает в предутренней мгле.
Разина кудри видны на земле.
Вновь как когда-то, как в волнах туман
Тонет безмолвно Ермак-Атаман,
Борется... Гибнет... Взор грозный потух.
Где то кричит, встрепенувшись петух.
Сгинули всадники, слышен лишь стон:
— Бейтесь живые за Вольность и Дон.

Дрогнули пики:
— Мы ваши сыны...
Кинулись с криком:
— Руби, эх, руби...
Тяжко, как тяжко...
Сухая трава,
Кровью казачьей
Давно полита.
Никнет головушка,
Чуб весь в крови.
— Господи,
Господи, нам помоги...
Выйдем мы
Выйдем,
Уйдем из кольца.
Пусть будут
Кучи их,
Тысячи,
Тьма...
. . . . . .
Тревога,
Тревога,
Тревога...
Сигналы зовут боевые,
Набаты в станицах сзывают
Живых не сломили еще,
Живые еще умирают...
И бьются, хоть всяк изнемог...
. . . . . .
Тяжко, как тяжко нам.
Слышишь ли, Бог?

Сергей Макеев. *(Франция).*

В Рождественскую ночь.

В самый канун Рождества от N-ского казачьего полка был выставлен караул к пороховому погребу. Уж такой порядок на военной службе — хочешь не хочешь, а иди. Раз подошла очередь и отдано в приказе по гарнизону, так никакая сила не изменит предназначенного.

С утра, когда караул вышел за город и быстрым маршем шел к месту своей службы, было морозно и свежий снег скрипел под ногами казаков, но после полдня затуманило, рванул северный ветерок, набежали серые тучки, запорошила метелица. В открытом поле ветер свистел и гудел, сердито бросая вверх целые снопы пушистой, снежной ваты. Соседний лес одевшись в белый саван, жалобно стонал, словно жалуясь кому то на непогоду. Часовые, в овчинном тулупе маршировали вокруг погреба, с нетерпением ожидая смены. Караульное помещение, с теплой горящей печкой и с кружкой чая, манило к себе продрогших казаков.

Через каждые два часа разводящий ставил новую смену на пост, а сменившиеся часовые, отогреваясь у печки и дымя цыгарками, коротали время.

В обычные дни шутили, смеялись, рассказывали что нибудь смешное, но в рождественскую ночь у всех на уме была станица с родными, милыми, близкими...

Разговоры не клеились. Все погружены были в далекие воспоминания.

Хорошо было в родной семье встречать праздники!

Вымоешься по человечески, в церковь Христову сходишь, гусем жареным разговеешься, на улице попарубкуешь... Эх, веселье было! А тут вот сиди и кураул какой то погреб с порохом у черта на куличках, в пятидесятом царстве, за тридевять земель, в закавказском государстве... Приятного не много. А про гуся и думать забудь. Традиционный борщ с прошлогодней капустой, да кусок говядины и каша с салом, вот и вся еда праздничная. Может быть из артельных сумм перепадет на белую булку с колбасой, да все не то...

Сердитый ветер, заскакивая в трубу, выбрасывая временами клубы дыма из маленькой, раскаленной до красна, печурки, и своим воем и свистом нарушал тишину. Кто нибудь молчаливо поднимался и прикрывал дверцу. Испуганная мышь, старавшаяся разгрызть черный сухарь, пряталась в углу под лавкой. На дворе уже завечерело и в караульном помещении тускло горела керосиновая лампочка с черным от копоти стеклом. Караульный начальник, склонившись над постовой ведомостью, что то писал, старательно выводя буквы. Под дверями от мороза что то треснуло и все, невольно вздрогнув, приподняли головы.

— Должно быть офицер идет, — сказал усатый урядник, вставая из-за стола, — приготовьтесь ребята!

— В такую то погоду, господин урядник, офицер?.. Да его сюда и калачем не заманишь! — возразил старой службы казак Чуб, — мороз в хату просится.

— Або черт в гості йде! — промолвил молодой казак Кулик Ерема.

— Ты насчет черта то поосторожнее, брат! — предупредительно заметил Чуб, — теперь время как раз самое подходящее...

— Та я нічого... я так... з язика зірвалось...

— То-то с языка, а то как раз на свою голову и накличешь.

— А ты Чуб должно быть боишься чертей то? — спросил урядник.

— Боятся не боюсь, а шкоды наделать могут, вот что!

— Это', Чуб, все бабьи разговоры. В станице как чуть что, так все на черта сваливают. А видал его кто нибудь? Ни! Болтают по пусту!

— Как не видать, видали! — утвердительно ответил Чуб, — вот под Рождество то он и балует, самое для него разлюбезное времячко.

Урядник опять сел за стол и погрузился в постовую ведомость. Несколько минут прошло в молчании.

— А ти його бачив? — насмешливо спросил Кулик Чуба.

— Я не видал, Господь миловал, а вот мой дядька так не только видел, а вместе с чертом ехал.

— Де ж це було?

— В станице у нас. Так же вот под Рождество довелось ему арестованного везти в Управление отдела, ну, на обратном пути и влопался...

— Як же це сталось? — с нескрываемым уже любопытством спросил Кулик.

— Да как, очень просто! Сдал арестованного, получил, значит, расписку и поехал назад. Холод был собачий. Ну, чтобы подогреться, заехал к шинкарке, выпил половинку и айда. Уже начинало темнеть, а когда проехал Косякин хутор и совсем стемнело. Только стал переезжать через греблю, как лошадь, вдруг, остановилась и зафыркала. Дядька то подумал сперва, что волки, и выругался в сердцах: „но, чего встала, черт бы тебя взял!“ А черт тут как тут и хвать, значит, лошадь под уздцы. Слезай, говорит, лошадь теперь моя. Дядька был не из трусливых, начал было спорить, ну, а потом смикитил в чем дело, да и говорит: „ну, что так быть бери, только подвези меня хоть к станице, а то ведь я и до дому не доберусь“. А уж в станице то не так страшно, можно его и за хвост. Поехали дальше. Черт возжи держит, а дядька завернулся в кожух, лежит и думает как бы ему перехитрить нечистую силу. Черт тоже себе на уме, знает дядькины думки. Едет, а сам поглядывает. Только к станице под'ехали черт и говорит: „ну, казак, слезай, я дальше не поеду!“ Дядька заупрямился, уговор, мол, дороже денег, и не слезает. Тогда черт взял его за шиворот, выбросил из саней и уехал. В полночь добрался до правления, тревогу поднял. Сначала смеялись не верили, думали спьяна, потом уж пошли лошадь искать. Нашли в лесу, вся в снегу, и ноги возжами спутаны. Вот как черта то не во время помянуть! — закончил Чуб.

— Вот спьяна он и из саней вывернулся, а лошадь запуталась в возжах и остановилась в лесу, — заметил урядник, — а выпил бы еще половинку, так наверно бы ведьму побачил!

— Чего там спьяна? У него хмель то сразу вышибло!.. А вот отец рассказывал, — продолжал Чуб, — когда на Араксе стояли, так часового с поста снял и увел.

— Та ну? — удивился Кулик.

— Ей.Богу! Через два дня только отыскали в армянском селении...

— Кто снял часового и увел? Отец твой? — засмеялся урядник.

— Черт увел, а отец только рассказывал! — возмутился Чуб.

— Смотри, чтобы тебя не увел, твоя смена сейчас! Чуб взглянул на часы и стал собираться на пост.

Время приближалось к полночи. Метель попрежнему завывала. Хлопья снега лепили глаза. Стояла непроглядная тьма. К посту шли почти ощупью. Сменив часового, Чуб остался один.

Сразу после тепла холод не чувствовался так остро, но вскоре же одежда захолодала и стала пронизывать тело. Чуб топтался на месте, ходил взад и вперед около погреба, вглядываясь в ночную тьму, и, если уставал, останавливался, стряхивал с себя налипший снег, ставил между ног ружье и отогревал руки.

Долгие, томительные два часа! Что только не передумал за это время старый казак, три года как покинувший станицу. Ярко всплывало в памяти беззаботное детство, когда он с ватагой таких же казачат носился по степи, подражая взрослым, веселое парубковство, женитьба, проводы в полк, слезы молодой жены, тяжелая служба в первые года... Три года протянул, еще остался один... Эх, жизнь казачья!.. Самое хорошее время пропадает вне семьи, вне родной станицы, где каждая тропинка, каждый уголок, каждый кустик, все так мило, знакомо и дорого. Теперь вот святки начинаются, самая веселая пора... Женатые от родных к родным в гости ходят, гусей жареных едят, да горилкой запивают, а парубки с дивчатами на улице хороводят... Эх, жизнь была! После полночи метель утихла, на небе показались звездочки, даже в городе видны были огоньки. Мороз крепчал. Чуб все больше и больше прыгал с места на место, согревая ноги.

— Эх! — подумал он, — покурить бы сейчас хорошо, да нельзя, уставом запрещено. Служба! Попадешь на начальство, запекут...

Быстро обошел вокруг погреба и только вернулся на свое место, как глаза его, привыкшие к темноте, впились в ту даль, где шла от леса проезжая дорога. Что то темное, сбившись с дороги, двигалось прямо к посту. Чуб насторожился.

— Если кто из офицеров, так не с той стороны.., кто то чужой... должно заблудил.

Тень надвигалась ближе и ближе... Чуб, взяв ружье на изготовку, окликнул:

— Стой! Кто идет!

Ответа не последовало. Он еще раз окликнул, более громко, и как то нервно, отчего даже сам вздрогнул, добавил:

— Стрелять буду!

В этот момент, словно в ответ на вопрос часового, послышался страшный дикий рев. Тень мгновенно выросла и приблизилась к Чубу.

— Да воскреснет Бог и расточатся врази его! — зашептал он, вскидывая к плечу винтовку.

„Не поможет!“ пронеслось у него в голове. „Только молитва спасет! Еще дед говорил, что ружьем ничего не сделаешь!“

Окликнув последний раз, Чуб перекрестился, читая бессвязные молитвы, и дрожащей рукой спустил курок.

И вместе с гулким выстрелом опять повторился душу-раздирающий нечеловеческий рев. Чуб перекрестился и разрядил второй патрон. Тень удалялась к лесу...

На выстрелы весь караул в боевой готовности прибежал к посту. Караульный начальник, запыхавшись, спрашивал:

— В чем дело? В кого стрелял?

Часовой не отвечал.

— Да ты что, онемел, что ли? Или перелякался?

— Он... — чуть, чуть ответил Чуб.

— Кто он?

— Черт...

— Ну, слава Богу, а уж я думал, что забастовщики! — насмешливо сказал урядник, и тут же строго добавил:

— Кулик становись на пост! Твоя очередь! Да смотри в оба!

Успокоившись в караульном помещении, Чуб подробно доложил о всем случившемся, и уверял непризнающего никаких чертей урядника, что спасся от нечистой силы только молитвой.

Караульный начальник донес рапортом по начальству, что неизвестные лица приближались к посту и после троекратного оклика подверглись обстрелу.

А через два дня окрестные жители добили в лесу тяжело раненого медведя. Когда узнали об этом в полку, то, конечно, не мало горевали и обвиняли во всем Чуба, не сумевшего отличить медведя от черта.

— А кто его разберет, оба мохнатые... сердито отделывался он от сослуживцев.

Любовь Самсонова. (*Прага*).

СКАЗОЧКА.

За речкой шепот камыша...
Поникни и молчи!
Приникни к травам, не дыша,
И свиста жди в ночи,
И сердца торопливый бег
Ладонью укроти,
И повод у дорожных вех
Потуже прикрути,
И жди, когда прольется свет
На золотой песок,
И поищи пропавший след
От чьих то быстрых ног.
Заплачут в полночь камыши, —
Молчи и не дыши.
Пусть ночь черна, пусть ночь глуха, —
Тем ближе пенье петуха!..
Услышишь тихий шип змеи,
Увидишь темных два крыла, —
Не бойся, полночь уж прошла
И близок час зари.
Увидишь острые горбы
И угля два — глаза, —
Не бойся бабушки Яги,
Промчится вмиг ступа.
Лишь голову скорей прикрой
Осокой острой, иль кугой, —
Ударит в голову ступой, —
Не вернешься домой!
Не бойся лысеньких бесят,
Что дразнят под кустом;
Шугни их, озорных ребят,
Да припугни крестом.
— А бойся девок водяниц!
Их бойся цепких рук:
Они быстрей лесных зарниц
За гранями излук.
В них страшен алых уст изгиб
И бледность нежных щек...
Беги от них, иль ты погиб,
Зарой лицо в песок!..
Не слушай сладких их речей,
Страшися света их очей,
Поникни низко в камыши,
Молчи и не дыши!..
Взовьется резкий смех, звеня,
И смолкнет под водой,
И тут, услышишь храп коня, —
Хватай его! Он твой!
Свист разобьет ночную тишь,
Прильнет к земле, дрожа, камыш
И оживет весь страшный лес:
Болото оживет,
Сыпнет в глаза золою бес,
Русалка запоет...
Поднимет нечисть крик и гам,
Прильнет свинцом к твоим ногам
Эй, молодец! Поберегись!
На конь!.. и птицею несись
По топким берегам.
Обернешься назад — пропал!
Взовьется легкий прах
И смехом глянется оскал,
На конских черепах...
Зайдешь, дрожа, в глухую муть, —
Не выйдешь из осин;
И прянет к горлу кошкой жуть
Из стынущих трясин...
... Хватай коня, вались в седло!
Моли Святой Покров,
Чтоб показалося село
До первых петухов.
За речкой шепот камыша...
Поникни и молчи...
Приникни к травам, не дыша, —
И счастья жди в ночи...

1929.

Санжа Балыков.

Лампадка Божья.

В длинные зимние вечера, когда в занесенном снегом „авуле“ воцаряется тишина, когда жизнь теплится только в землянках, слабо мерцающих желтоватыми огоньками в ночной темноте, часто сходились соседи в просторную хату Шара-Манджи, жена которого, слепая Атхар, умела увлекательно рассказывать сказки и знала их так много, что каждый вечер угощала слушателей все новой и новой.

Ночь под Рождество 19** года была темная и вьюжная. Около полуночи, когда Атхар кончила длинную и полную приключений сказку „О вещах несуразных, из земли неслыханной“, а собравшиеся заговорили о всяких таинственных событиях, один вспомнил, что сегодняшняя ночь — Рождественская, а у русских есть поверие, что в эту ночь летают ведьмы, беснуется нечистая сила и открываются клады.

— То неправда, какие там у иноверов могут быть чистые и нечистые духи. Русские — дети воды. Первый русский вышел из промежуточной воды и яра. Ни Бога, ни черта у них нет. Души их после смерти не перерождаются, а превращаются в прах — заговорил старик Галда, высекая кресалом искру из кремня на трут, чтобы закурить очередную трубку.

— Нет, Галда, вы неправы, есть у них и Бог и черт, — отвечал старик Бембе.

— А вы что, видели?..

— Да, я почти видел ихнего Бога... Давно то было, сорок с лишним лет тому назад, было мне тогда лет, значит, 17—18, — медленно начал обыкновенно молчаливый и робкий, маленького роста старичек Бембе. Возвращался я из-за Маныча. Была тихая, морозная, звездная ночь. Затверделый снег громко и упруго хрустел под копытами коня... Ехал я напрямик, бездорожно. По моему расчету до дома осталось докурить всего две трубки, как я наехал вдруг на чудо... На покрытом снегом, небольшом кургане тихо, ровно, синеватым огоньком горела лампада в красивой серебрянной лампаднице на большой серебрянной тарелке, наполненной кучей золотых, сверкающих монет. Бояться, как будто, нечего, но мертвая тишина вокруг, темная ночь, пустынная белая степь и эта одинокая, кроткая лампада навели на меня оцепенение. В первый миг я похолодел от ужаса, но тут же, вспомнив, что лампада не может быть делом рук чертей, а указывает на близость Бога, смело слез с коня и приблизился к ней. Первым движением я хотел было взять лампадку совсем с та-

релкой, но тут же понял, что нельзя. Сами знаете, что трогать горящую лампадку — великий грех... Вспомнил я там, как наша мать учила нас, детей, не подходить близко к лампаде, чтобы не поколебать ровного пламени. Решил ждать пока лампада потухнет. Скоро почувствовал, что из этого ничего не выйдет. Лампада была полна масла, а мороз, на мое несчастье, как будто крепчал больше. Стал я бегать вокруг кургана с конем вповоду, чтобы согреться, но долго не мог выдержать. Холод начал пробирать меня насквозь. Подошел к лампаде, снял шапку, поклонился, мысленно попросил Бога не убирать чашку с золотом до утра, если мне суждено быть богатым, а потом сел на коня и поскакал домой. Когда дома рассказал отцу, он вспомнил, что эта ночь — Рождественская и что золото назначалось, видимо, для праведного христианина. Утром, чуть свет, поскакал я по своему вчерашнему следу. Нашел тот курган, были следы моих ног, коня, но золота уже не было. С тех пор я верю, что и у христиан есть истинный Бог, раз под праздник Его рождения открываются земные клады, — закончил Бембе свой рассказ, под глубокое молчание слушателей.

— Уй!.. какой же вы недогадливый были, нужно было попросить по-русски Бога, если то был христианский Бог, а то Он не понял видимо вашей просьбы, — с усмешкой заметил старик Цебек.

— Я же не знал, что то был клад христианского Бога, думал, что наш — отвечал Бембе.

Гости начали расходиться желая друг другу хороших сновидений. На дворе начинал метать „пеший" буран. Хутор безмолвствовал. Лишь редкий петух, в дупле кизячных скирд, выполняя свою полночную обязанность, затягивал свой клич, но внезапно обрывал и, ежась от мороза, умолкал...

Алексей Персидсков. *(Братислава).*

ЖИДОВКА.

Плеская на земь радужное пиво —
Ночей моих бесплодная мечта;
Ты улыбнулась насмурно и криво,
Подобе скорченой распятого Христа.

Его несли, как и тогда... нагого,
С венцом терновым на кровавом лбу,
От человека родшагося Бога,
Прибитого гвоздями ко кресту.

Ты, как и встарь, украдкой посмотрела,
Тая в душе безумья огонек,
На жалкое, истерзанное тело, —
На божеский в распластанном намек.

Ты б не пошла, я знаю, на Голгофу;
В слезах Его не стала б утешать,
Как верная прерывистому вздоху,
Его вскормившая святая Мать
. . . . . .
Ты, прежняя, осталась без измены,
Лишь только взгляд лукавый ныне гаж,
Достойная улыбки первой Евы,
Ты, знойная, и по столетьях та ж.

Олександер Півень (М. Забігайло).
(Югославія).

Василь та Наталка.

(Нова козацька дума на старий кобзарський спів).

Ой то ж не орел сизокрилий
В яснім небі літає,
По-над широким степом кругляє,
У траві звіря-птаха підглядає, —
То козаченько жвавий, молоденький,
Мов той сокіл бистренький,
Свій батьківський двір покидає,
Із станиці у чисте поле виїзжає;
На-бакір шапочку заломивши,
Головоньку на правий бік схиливши,
У воєнний похід виступає,
До війська славного козацького,
Рідного Кубанського
Їде — поспішає.
Під ним добрий кониченько,
Його вірний Дружко гніденький,
Грає-виграє та басує,
Бо далеку доріженьку чує.
Ой то ж не горлиця-голубонька
У зеленому вишневому садочку
Жалібно стогне-туркоче,
Наче б то плаче,
Що свого дружка-голубка не бачe, —
То козакова люба-миленька,
Його вірна дружинонька,
Молодая молодиця,
Чорнява-білолиця,
Свого чоловіка за ворота випроважає,
Гірко плаче-ридає.
Рученьки білі угору здіймаючи,
Коси чорні з жалю роспускаючи,
За коником біжить-поспішає,
Рученьками за сіделечко хватає,
Жалібно-голосно промовляє:

— „Соколику мій милий,
Василечку мій любий-коханий!
Та куди ж ти знову виїзжаєш?
На кого мене, молоду, покидаєш,
З малими діточками зоставляєш?
Ой вернись, вернись, Василечку,
Бо в тобі вся моя силечка,
Вся ж моя надієчка!
Годі вже тобі воювати,
Годі чужу кров проливати,
А свою вірну дружиноньку
Дома зоставляти!
Ой що ж то за війна такая,
Що нема їй ні кінця, ні краю?
Та вона ж Богом і людьми проклята,
Коли ви убиваєте брат-брата!
Мабуть ти вже мене не любиш,
Вірно не кохаєш,
Коли так часто покидаєш
Одну-однісіньку коло хати
День і ніч без тебе сумувати.
Ой послухай мене, Василечку, останься,
На гіркі сльози мої зглянься:
Болить, ох, болить моє серденько,
Щось воно віщує, —
Видно лиху незгодоньку чує!
Та й кінь під тобою,
Ти глянь, аж два рази спіткнувся,
Хиба ж коли бувало,
Щоб козак після того вернувся?
Ой, Боже ж мій, Боже!
Знаю я тепер, добре знаю,
Що послідній раз тебе випровожаю;
Через те оттак гірко й плачу,

Що ніколи вже, ніколи
Живого тебе не побачу!“ —
Плаче молодиця, вбивається,
Дрібними сльозами вмивається;
Тужно-гірко голосить,
Слізно ридає,
Та козацьке серденько
Жалем-болем
На шматки крає-розриває.
Гляне козак — погляне
На свою дружину кохану,
Кониченька тихо спиняє,
Та, схилившись на-бік до неї,
Щиро-привітно одмовляє:
— „Дружинонько моя, Наталочко,
Сизокрила моя галочко!
Ой нащо ж ти мене докоряєш,
Коли сама добре знаєш,
Що я тебе люблю і кохаю,
Та воленьки своєї не маю!
Хіба ж ти ніколи не чула,
Не-вже ж ти ідосі не знала,
Як наша козацька сила
У цій війні даром пропадала?
Цілих три довгих роки,
За живого ще царя Миколу,
Козаками війну зачинали,
Козаками її й кінчали.
Де москаль од ворога тікає,
Де лапотник пьятами накиває,
Туди козаків посилають,
Та усі дірки ними затуляють.
Цілих три довгих роки
Козаки день і ніч воювали,
За Москву та за Росію
Свої голови складали;
Оддавали усю свою силу,
Свою зброю, коні і всю справу,
А для себе тільки й придбали,
Що одну козацьку славу.
А тепер ось без царя третій рік воюєм,
Та ніяк вражих москалів не вгамуєм.
Ой не думали ж ми, не гадали,
Щоб москалі ворогами нам стали,
Через те за свою неньку рідну,
За нашу Кубань бідну
Нічогісінько йдосі не дбали!
Треба ж нам — козакам
У похід тепер виступати,
Рідний край обороняти;
Треба москалів — лютих ворогів,
Отих „товаришів“ — брехунів,
У свою землю не пускати.
Чи ти ж забула, що вони робили,
Як були нас одурили,
Та всі наші станиці заплінили?
Здавалось нам, що вони наші други-брати,
А тепер бачим, що лихі супостати;
Здавалось, що були православні християне,
А тепер стали гірші, ніж басурмане!
Од Бога і всіх святих одріклися,
Анцихристу заприсяглися:
Хочуть знову наш край заплінити,
Козачество із світа згубити,
А усе нажите нашими трудами,
Нашими дідами й батьками,
У комуну оприділити!
Та вже, що Бог призначив,
Того не минувати;
Один раз матінка родила,
Один раз і помірати;
А тільки превражій комуні
У козацькій країні
Во віки-вічні не бувати!
Оставайся жива-здорова,
Моя мила-чорноброва:
Не плач, марно не вбивайся,
А мене з козацького походу,
Як на те милость Божа,
То й додому сподівайся!“ —

Ой як свиснув козак на коника,
Аж курява за ним встала,
А молодиця де стояла,
Мов нежива, там упала...

II.

Ой то ж не чорна страшна хмара
Ясне небо обгортає,
Світ сонця затуляє;
То не вихор реве-крутить,
Пилом очі засипає; —
То превража большовицька комуна,
Безбожна, окаянна,
Мов татарська орда погана,
Суне-наступає,
Кубанський край козачий
Силою превеликою облягає.
. . . . . .
То Москва тая гаспідська-люта,
Що хоче усе козачество
Закувать у великі пута.
Веде вона війська добре змуштровані,
Везе гармати превеликі-лаштовані,
Хоче козачество у-пень рубати,
Жінок-дітей у неволю забирати,
А станиці веселі козацькі,
Церкви Божі-християнські
Нещадно руйнувати.
. . . . . .
Уже всю Україну широку
І Дін козачий заплінила;
Зосталося їй трохи, —
Зовсім небагато:
Одну тільки Кубань добути,
Щоб увесь мир хрещений,
Увесь люд православний
У анцихрестове царство повернути!
Застогнала Кубань бідна,
Тяжко зажурилась,
Що така недоленька їй случилась!
Досталося їй немало
З німцем-турком воювати,
Слави козацької добувати;
Іще більше послі довелося —
Чи так судилось, чи прийшлося, —
Красну нечисть бити-рубати,
Братам-козакам на помічь ставати...
Та не думала Кубань,
Ніколи не гадала,
І у ві-сні того не видала,
Щоб одна однісінька,
Як той палець,
Протів комуни тепер стала!
Ой негаразд, негаразд
Наше козацтво вчинило,
Що під Орел на Москву ходило.
. . . . . .
Краще було б — спокійніше
У себе дома сидіти,
Та свою козацьку землю,
Рідний степ широкий,
Од вражого большовика боронити.
Ой треба було козакам,
Треба було б добре шануватись,
І старим, і малим за винтовки взятись,
Та на своїй козацькій гряниці
Живою стіною стати,
Щоб того ворога-лиходія
У свій край не пускати.
Стали б добре, в одну спілку,
Дін, Кубань і вся Україна;
За руки, як рідні брати, побрались,
Та міцно з'єднались,
І була б у їх така снага,
Така превелика сила,
На яку москаль не одважився би ходити,
А коли б і пішов,
То був би тяжко і без міри битий.
Ой негаразд, недобре
Наше козацтво вчинило,

Що даром свою силу згубило;
Та не так винне козацтво,
Як ті владарі-командіри,
Що спереду і ззаду воювали,
Самі під собою сук рубали,
Поки сторч головою,
На великий глум та сором,
Додолу не впали!
Багато було на їх віри,
А ще більше було дано їм сили,
Та тільки на велике лихо,
Були вони вовчої натури,
Не жаліли чужої шкури,
Що треба, того не зробили,
Та, з лихою головою,
Не чувши гріха за собою,
Бідний народ занапастили!...
Зажурилась Кубань бідна,
Тяжко застогнала,
Що за всіх вона роспиналась,
Усім помочі давала,
А тепер одна-одинцем
За всіх у ответі стала!
Ой кріпкого козацтво заводу,
Не боялось воно ще зроду
Ні війни, ні смертного бою,
Ні страшної смерти з косою,
А тільки бачить воно,
Серцем своїм чує,
Що комуни зараз не звоює,
А протів рідного краю
Тільки більше роздратує;
Бачить козачество, знає,
Що треба Кубань бросати,
Злим ворогам-супостатам
Без бою оддавати...

———

Ой закувала та сива зозуленька
І в зеленому садочку,
І в темнім лісочку, —
Рано на-весні закувала,
Сумно-важко застогнала.
— „Ой чого ти, сива зозуленько,
Так рано закувала,
Чого жалібно застогнала?“
— „Ой того ж я рано закувала,
Того серцем я засумувала,
Що мою неньку рідну,
Мою Кубань бідну
Лиха незгодонька спіткала;
Що покидають її рідні діти,
Наші козаченьки-квіти,
Зоставляють батьків стареньких,
Жінок, діточок маленьких;
Ідуть вони горами-лісами,
Глибокими ярами,
Ідуть — оглядаються,
А козацьке серденько
З великого жалю
Кровью обливається...“

III.

Чи то чаєчка чубатенька
Сизокрила степова ненька,
Над дорогою стогне-кигиче,
Своїх діточок кличе?
Ні — то Василева молодиця,
Його Наталочка білолиця,
Одна з діточками своїми,
Маленькими-дрібними,
Що-дня нудьгує та голодає —
Гіркі сльози проливає.
Як та рибонька об лід, бьється,
Мов билиночка, гнеться,
Ніяк свого Василечка
Додому не діждеться.
Ой сиділа раз Наталочка,
За столом сиділа,
Білий листочок писала,
Та й на далеку чужиноньку,
До свого миленького
Слізно промовляла:
— „Василечку мій милий,
Голубчику сизокрилий!
Чи ти на край світа полинув?
Чи ти мене на-віки покинув?
А я ж тебе що-дня дожидаю,
Мов та зозуленька, гукаю:
Ой прилинь, вернися
З далекого краю!
Ой, прилинь, прилинь,
Козаченьку милий,
Голубчиком сизокрилим,
Улети в моє віконечко,
Та впади на моє сердечко!
Осуши ти мої сльози,
Прожени наші злидні:
Ти ж мій Василечко,
Моя ж ти силечка, —
Вся моя надієчка!
Ой не маю ж я без тебе
Ні моченьки, ні сили,
Бо дуже нас вражі москалі обсіли;
Одняли всіх коней,
Забрали худобу
І всю хазяйську справу:
Нічим мені хліба обробляти,
Не знаю, чим діток годувати,
Одно тільки й зосталось,
Що з голоду помирати.
Усяк день і всяку ніченьку
За тобою я плачу,
За дрібними слізоньками
І світа білого не бачу;
Та нічого я тим не придбаю,
Нічого доброго не вдію:
Плачем поля не виорю,
Сльозами ниви не засію.
Ох, як би я що почула,
Або од кого дознала,
А хоч звісточку од тебе достала,
Що ти вернешся
Живий — здоровий,
Так і плакать би перестала!“
А Василь листочок той добуває,
Плаче-читає,
Та до вірної дружиноньки
Такими словами одмовляє:
— „Наталочко моя мила,
Лебедочко біла!
Ой рад би я до тебе вернутись,
До серденька твого пригорнутись;
Привітати тебе, милувати,
В речах душу виливати,
А малих діточок
Тішить-забавляти, —
Та далеко я дуже проживаю,
Аж у тому Сербському краю!
За широкими, глибокими морями,
За високими до неба горами,
За лісами темненькими,
Та за річеньками
Довгими — бистренькими!
Ой полетів би я до тебе
Дужим орлом бистрокрилим,
Та крилець іще не маю;
Поїхав би коником вороненьким,
Та доріженьки не знаю;
Перекинувся б я рибкою швиденько,
Та поплив би хвилею-водою,
Та завелася скрізь щука зубата,
Що ловить-хватає нашого брата!
Ой як виростуть у нас на чужині
Дужі крила орлині,
Як збереться во-єдино
Вся козача превелика сила,
Отоді-то побачить
Свого козаченька
Моя Наталочка мила!

Важко тобі, моє серденько,
Жити в обідраній хаті;
Знаєм ми, як вас катують
Вороги наші кляті;
Багато ти терпіла,
Потерпи ж іще трохи;
Діждемо ми Сретення,
Або святої Явдохи:
Тоді зустрівається,
Кажуть, літо з зімою,
Чи не зустрінемось, серденько,
І ми з тобою?
Єсть у нас, моя лебедочко,
Нова козацька мрія;
Запала нам глибоко в серце
Кріпка, нерушима надія,
Що не буде ніколи переводу
Славному козачому роду,
Що добудем ми
Для неньки-Кубані
Справжню козачу свободу!
Ой не даром ми воювали,
Та свою кров проливали;
Не даром на чужій-чужині
Скільки літ блукали-пропадали;
Научила нас лиха недоля,
Пішла нам у руку;
Добуло наше козацтво
Найкращу од того науку:
Знаєм ми тепер добре,
З ким треба хліб-сіль ділити,
А кого треба берегтися
Та, як ворога, бити!
День од дня стає міцніша
Наша козача сила;
Одростають приборкані
Орлині козацькі крила;
А там... добудем ми пороху
Повні порохівниці,
Нагострimo шашки, достанем рушниці, —
Оттоді справді побачать
Нас козацькі станиці!
Не плач же, моя Наталочко,
Та марно не журися,
А краще з малими дітками
Що-дня Богу молися:
Бо як не буде Його святої волі,
Не побачиш ти мене ніколи!
Та я й сам усю надію
Тільки на Господа складаю;
На Його святую волю
І днем, і ноччу уповаю;
Та я ж небагато й просю,
Одного тільки й благаю:
Ой дай, Господи,
Та пошли, мій Боже,
Вернутись до рідного свободного краю!"

12/XI—1928 г.

Праздник Вольного Казачества.

10 декабря, в день второй годовщины выхода в свет первого номера журнала „Вольное Казачество—Вільне Козацтво", редакция журнала, по примеру прошлого года, устроила редакционный чай, на который были приглашены сотрудники и читатели — вольные казаки и гости-друзья и союзники В. К.

Вечер „В. К.", как со стороны содержания, так и внешне (в Малом Зале палаца „Radio") вышел весьма удачным. Теперь можно по праву уже сказать, что день 10 декабря действительно стал днем праздника всего Вольного Казачества. Из помещаемых ниже некоторых приветствий, полученных к этому дню редакцией, читатели сами убедятся в правильности высказанного выше утверждения.

Около 7 часов вечера за столом Президиума заняла место редакция „В. К." в полном составе.

Приветствуя собравшихся, редактор И. А. Билый произносит следующую речь:

Речь редактора И. А. Билого.

Милостивые Государыни и Милостивые Государи!

Сегодня второй раз уже собираемся мы праздновать годовщину выхода в свет журнала „Вольное Казачество—Вільне Козацтво". Собираемся, чтобы оглянуться на пройденный путь, чтобы хотя в общем подвести итоги сделанному и — посмотреть вперед.

Можем сказать заранее, что нам не нужно намечать новых путей на будущее, — нужно продолжать и расширять начатое: путь наш намечен правильно. Вся наша программа настоящего, программа журнала может быть выражена сегодня одной короткой фразой:

Будем идти дальше.

Первым словом своим мы позволим себе послать привет Казачеству и туда, домой, где так жестоко страдает оно под пятой Московских завоевателей, и всем казакам, на чужбине в рассеянии сущим.

Хотелось бы, чтобы голос В. К. дошел и был услышан нашими братьями там, чтобы знали они, что не умерло Казачество в изгнании, не потеряло надежды на Освобождение своей Земли и возвращение в свою Отчизну. Пусть наш привет поддержит там бодрость и веру в свои силы и в правоту нашего общего дела. Хотелось бы и к казачьей эмиграции обратиться еще раз со словом призыва никогда не забывать своей Родины и знать, что даром мы ее не получим и никто чужой нам ее не возвратит, — нужно самим нам об этом думать в первую очередь. Только тогда мы найдем друзей и союзников. Ибо, кто не помогает себе сам, тот не может рассчитывать и на помощь других.

С этими словами мы обращаемся ко всем: и к вольным казакам, которые уже осознали себя национально и вопросы эти для себя решили, и к тем, еще нерешительным и колеблющимся, которые стоят на перепутьи и не знают, какой дорогой идти: пусть знают они, что Дорога Казачеству одна — Казачья Дорога...

Весьма возможно, что в недалеком будущем Казачеству предстоят новые испытания и потребуются новые жертвы, события могут наступить так же „неожиданно“ и так же „естественно“, как и в 1917 году. Казачеству нужно быть к ним готовым и заранее, теперь уже и раз навсегда решить: тянуться ли нам снова в хвосте событий и быть слепым орудием в руках чужих, или стать, наконец, активным суб'ектом исторических событий и свои силы тратить на достижение своих целей, казачьих целей. — В. К. стало на этот путь и зовет на него все Казачество.

По всему необ'ятному простору Земель и Народов, пребывающих сейчас под высокою рукою Московского Кремля, идет все та же, а может быть и большая вакханалия красного террора. Земной „рай“ снова и снова поливается кровью...

К нашей боли, Казачьи Земли занимают в РСФСР одно из первых мест по жертвам террора. Это значит, что мира там нет, примирения с оккупантами нет, что как бы ни был страшен террор, народ поднимает голову для борьбы и протеста. Было бы трудно перечислять все случаи террора или читать списки погибших, — это продолжается ведь уже десять лет...

К стыду современного человечества, красный террор, — самый гнусный, самый страшный, самый кровавый, — единственный террор, на который никто не реагирует. Мы иногда бываем свидетелями, как „ошибки правосудия“ в „буржуазной“ Европе или Америке, касающиеся единиц, подымают на ноги целый свет: все протестуют против казни одного. И тот же мир упорно молчит, когда без всякого правосудия уничтожаются тысячи, десятки тысяч в единственном в мире „социалистическом отечестве“... Мир наших протестов не слышит или не хочет слышать. Нам остается поэтому только теснее сомкнуть свои ряды и неуклонно идти к своей цели, надеясь больше всего на свои силы.

Но мы не можем не отдать последнего долга всем нашим погибшим там братьям. Склоним же молча свои головы, чтя их светлую память (Все встают). Кровь, пролитая и проливаемая Казачеством там, налагает на нас обязательства чрезвычайные: Казачья эмиграция не может уклониться от долга перед своей Родиной. — Мы глубоко верим, что она свой долг по отношению к своему народу и к своей земле исполнит честно и до конца.

Эта вера наша подтверждается тем количеством казачьей эмиграции, которая уже теперь стала в ряды В. К. И быть может не за горами то время, когда Казачья Идея соберет Казачество в одну, свою Семью...

Было бы ошибочным предполагать, что в борьбе народа за свое освобождение единственную и решающую роль играет только физическая сила. Физическую (военную) силу мы не намерены умалять ни в малейшей степени, но нам, казакам, нужно обратить свое внимание и на другую сторону дела, которой мы до сих пор посвящали его слишком мало, — на политическую сторону, на идеологическое руководство борьбой. Особенно это относится к эмиграции, физическая (военная) сила которой может идти в будущем только на убыль, но политическое значение и роль которой может быть колоссальной.

Там думать и говорить нельзя. Эту функцию должна взять на себя эмиграция. Казачья эмиграция должна взять на себя роль интеллигенции своего народа, должна выковать историческую программу Казачества, стать духовным и политическим вождем Казакии.

В. Казачье движение так именно понимает роль казачьей эмиграции. Органом этого движения и есть журнал „Вольное Казачество— Вільне Козацтво“, двухлетнюю годовщину которого мы сегодня скромно отмечаем.

В мою задачу не входит сейчас говорить вообще и полностью о вольноказачьем движении. Что же сделано журналом за эти два года, об этом свидетельствует лучше всего сам журнал, его успех у Казачества, то, что он стал для многих и многих казаков уже своим журналом. Не буду говорить и о программе и задачах журнала, — эта сторона достаточно выяснена уже на страницах самого журнала; говорил я об этом и год тому назад, на первом нашем юбилейном чае. Не буду и судить журнал. Я, как редактор, на сегодняшний день предоставлю эту задачу другим. Я же позволю себе сказать несколько слов здесь о тех, кто создает журнал.

Господа, через страницы „В. К.“ прошло уже (за два года) до 150 человек. Конечно, в незначительной мере был здесь и элемент случайный, „текучий“, или тот, кто по тем или другим причинам „не задержался“ долго в рядах сотрудников. Те, кто хотя немного знакомы с журналистической практикой, знают, что явление это слишком обычное. Но должен сказать, что большинство, свыше 100 человек, уже стали на эту работу, как постоянные сотрудники. Для казачьего эмигрантского издания это — хороший кадр.

Что это значит, лучше всего можно понять, если принять в соображение то обстоятельство, что Казачество до этого еще почти не имело своей интеллигенции в полном смысле этого слова. Все вы прекрасно знаете, что в б. царской России Казачество политической жизнью (не по своей вине) не жило. Точно также и культурная жизнь его была сведена к минимуму. Немногочисленная казачья интеллигенция, прошедшая русскую школу, забиралась или и сама уходила от своего народа делать карьеру в „общегосударственном“ масштабе, — свой казачий масштаб ей был мал. Поэтому во время недавних революционных событий Казачество и не имело хорошего политического руководительства, — не имело своей интеллигенции. Еще хуже в этом отношении дело обстоит сейчас там, дома. Если раньше не поощрялось,

то теперь просто уничтожается все, что у Казачества хотя немного напоминает свою интеллигенцию.

И только здесь, в эмиграции, когда казаки должны были пережить еще раз историческую катастрофу, когда они теперь порвали со старой психологией „служения", когда присмотрелись к жизни других народов, когда начали искать своих путей, — только тогда начала создаваться подлинная казачья интеллигенция (а не только образованные или ученые люди из казаков). Часть этой интеллигенции смело и открыто стала уже в ряды В. К. Теперь это — передовая армия, авангард его.

Нельзя скрывать, что в эмигрантских условиях процесс образования казачьей интеллигенции — задача вообще трудная, — не забудем, что наша эмиграция разбросана по целому свету. Эту работу формирования национальной казачьей интеллигенции облегчали бы „центры", — культурные или политические. Одним из таких центров, поднявших знамя борьбы за освобождение своего народа и поставившего себе целью организовывать и казачью интеллигенцию для этой борьбы, есть, по мысли его инициаторов, и журнал „Вольное Казачество — Вільне Козацтво". Сегодня мы можем с большим удовлетворением сказать, что задача эта удалась. В ряды активных сотрудников „В. К." стала или становится почти вся создающаяся на чужбине казачья интеллигенция.

Говорят, что журнал „В. К." хорош. Это потому, что он имеет хороших сотрудников.

Не могу не подчеркнуть здесь, что не легко работать политически нашим казачьим писателям и журналистам, сплошь бедным часто принужденным зарабатывать физическим трудом свой насущный кусок хлеба. Трудно в таких условиях думать о другом, тем более трудно писать. И если это есть, то это только свидетельствует о силе воодушевления Казачьей Идеи, захватившей казачью интеллигенцию.

Это воодушевление и увлечение работой (за которую уже теперь грозят виселицей) поддерживает и казачья читающая наш журнал масса — вольные казаки. Со всей откровенностью и уверенностью могу сказать, что казачьи писатели и журналисты знают, для кого они пишут, кто их читает, и казачьи читатели знают кто и что для них пишет. Разрыва между казачьей массой и казачьей интеллигенцией нет. И правильно, ибо тот народ, который не имеет своей интеллигенции, не имеет исторического будущего и та интеллигенция, которая оторвется от своего народа, тоже не имеет будущего.

С прискорбием, должен отметить что в истекшем году мы потеряли одного из своих ближайших сотрудников, подававшего большие надежды, одного из самык талантливых молодых донских поэтов — Юрия Гончарова. Почтим еще раз его память... (Все встают). Пусть легка будет ему чужая земля...

Вспомним и живых, но далеких. Я позволю себе от имени редакции и от имени всех здесь присутствующих сотрудников журнала приветствовать тех из наших коллег, которые только за дальностью расстояния не могут присутствовать сегодня с нами здесь. Пусть дойдет к ним ко всем рассеянным по белу свету, наше искреннее слово привета и пожелание еще более тесно сплотиться около общего нашего дела.

Работы нам еще много. Лучше сказать, — она только начинается. И если, как я уже сказал, дорога журнала ясная — идти дальше по намеченному пути — то перед нами встает целый ряд других задач, не менее важных, не менее необходимых: зарождается казачья литература. — Наша задача — дать в руки казаку казачью книгу.

Первый такой опыт мы в этот момент делаем: мы выпускаем первый казачий сборник — календарь-альманах на 1930 год. Это вообще — первый подобный сборник у казаков.

Если бы наш опыт с календарем-альманахом был удачен (а в удачу эту мы сами верим), то на очереди встанут и другие начинания: надо выйти казакам на свою дорогу и со своей литературой. Надо казачьим поэтам и писателям предложить читателю казаку и произведения поэзии беллетристической литературы. На обязанности казачьей интеллигенции лежит научить казака читать свою книгу, — казачью книгу. На примере других народов мы знаем, какую огромную роль для развития национального самосознания народа имеет своя национальная литература. Должна она быть и у Казачества.

Казаки должны знать свою историю, свою экономику, свою географию... Все эти запросы должна удовлетворить казачья книга. Надо, чтобы казак смотрел на свое прошлое, на свое настоящее, как и на свое будущее своими собственными глазами, а не через чужие цветные очки... Ибо без этой предварительной работы мы рисковали бы точно так же проиграть и грядущую борьбу за освобождение, как проиграли борьбу прошлую.

И еще одну задачу в самое ближайшее время должна выполнить казачья эмиграция. Она должна правдиво познакомить иностранцев с Казачеством. Надо добиться того, чтобы другие народы увидели казаков в их истинном свете, чтобы они знакомились и узнавали казаков от них самих, о стремлениях и желаниях казаков знали от самих казаков. Это может сделать только казачья книга на иностранных языках. Надо начинать нам вести и „иностранную" пропаганду... Можно сказать, что мир сейчас уже достаточно знает казаков, но — так ли, как нужно? знает ли он правду? — Вряд ли! стоит вспомнить только чужие фильмы с „казаками"...

Как видим, работы перед нами еще непочатый край. И, вступая в третий год своего существования, „В. К." хотело бы сделать в продолжении его хотя бы самое необходимое.

Мы должны спешить. Мы не можем позволить себе роскоши спокойной работы, рассчитанной на долгие сроки, ибо не знаем своих сроков, не знаем, когда придется ставать опять к

активной борьбе, когда ее нужно будет вести, а не готовиться к ней. Наша теперешняя работа должна вестись со всем напряжением наших сил.

Приветствуя собравшихся здесь вольных казаков, мы к этой работе всех их приглашаем. Не будем вести бесполезных споров, потратим свои силы на творческую положительную работу. Такой работы нам хватит всем.

Не буду утруждать сейчас Вашего внимания тем, как трудна часто бывает и наша работа, работа тех, кто непосредственно стоит у кормила нашего журнала. Хотелось бы, чтобы в будущем нашему молодому кораблю меньше встречалось на пути его всяческих подводных мелей, чтобы реже и меньше трепали его бури... Но, если он до сих пор умел выходить из трудных положений, то не только благодаря искусству стоящих у руля его кормчих, но и той большой моральной поддержке, какую этим кормчим оказывают вольные казаки — наша читающая журнал казачья аудитория. Я могу на этом месте особенно с большим удовлетворением подчеркнуть ту тесную связь между казаками-читателями и редакцией, какая за эти два года установилась между ними. Эта связь самой редакции дает огромную опору, ибо ничто так не поддерживает сил, даже в самые трудные моменты, как именно это общение с читателями. Пусть же она никогда не прекращается и не ослабевает, пусть растет и укрепляется. А за поддержку нашим читателям везде и всюду, — в Югославию и Болгарию, в Турцию и на Дальний Восток, во Францию и в Польшу, в Германию и Грецию, в Африку и Америку — низкий поклон.

В первом номере журнала „В. К.“ мы говорили, что задача освобождения стоит не только перед нами. Она стоит перед всеми народами, не по своей доброй воле находящимися сейчас под властью Москвы. Этим в значительной мере облегчается и наша основная задача.

Как тогда, так и теперь, мы, обращаясь ко всем порабощенным народам, еще раз говорим: единому фронту оккупантов надо противопоставить союзный фронт наш.

На сегодняшнем нашем вечере мы имеем счастье видеть представителей некоторых из народов, историческая судьба которых одинакова сейчас с судьбой Казачества. Я приглашаю всех вольных казаков приветствовать наших дорогих гостей... Мы выражаем полную уверенность, что скоро наступит время, когда мы перейдем к еще более тесному и искреннему сотрудничеству для достижения наших общих задач.

Еще раз сердечно приветствую всех здесь собравшихся и приглашаю разделить сегодня с нами нашу скромную чашку чая.

Речь И. Ф. Быкадорова.

Вторым говорит ген. Быкадоров:

Большие, ответственные задачи стоят перед журналом „В. К.“ Одной из них является освещение исторического прошлого Казачества, особенно судеб двух казачьих организмов — Донского и преемника Запорожского — Кубанского Войск.

Возрождение каждого народа начиналось, или было тесно связано с изучением истории этого народа самим этим народом. Изучая свое историческое прошлое, народ осознавал себя, осознавал пройденные этапы своего исторического развития, познавал духовные силы свои, предугадывал этапы будущего своего развития.

Жизнь народа, народного организма, в известной степени аналогична жизни отдельного человека. Ненормальна, болезненна жизнь человека, если он не осознает уже прожитой своей жизни, не руководствуется опытами прошлого. Еще более неестественно состояние народа, не осознающего своего исторического прошлого, не отдающего отчета о пройденных этапах своего развития и предстоящем этапе будущем.

При болезни отдельного человека обращаются к исследованию его физической и психической природы, даже основ наследственности; для определения жизнеспособности всякого организма необходимы данные и прошлого.

Не будем в настоящее время говорить о болезнях казачества, как у всякого народа, они у него есть. Напомним лишь о том обескровлении, которое произошло с казачеством в результате революционных войн 1918-20 г. на Востоке Европы и производимом до настоящего времени в СССР.

Положение стократно отягощается тем, что обескровление и обескровливание связано с распространением большевицкой внутренней заразы.

Естественен вопрос: выживет ли Казачество, выживет ли казачий народный организм? И история дает нам ответ: выживет, и возродиться может и расцвести при известных условиях. Стоит только вспомнить прошлые катастрофы, случавшиеся с казачеством, — хотя бы подавление Булавинского восстания на Дону (1707 г.) Петром I, разгром Запорожской Сичи Россией во второй половине XVIII ст. Журнал В. К. уже определил не только возможности существования Казачества, но необходимое условие его развития и расцвета: Независимое государственное бытие его.

Казалось бы, чего проще — обратиться к истории. У народов государственно существовавших столетиями ее не может не быть. Она есть и, хотя односторонняя, но блестящая. Но нет еще исторических трудов, даже исследований по отдельным вопросам, освещающих действительную историю Казачества.

Народ победитель, а таковым почувствовал себя русский народ в отношении Казачества после подавления Булавинского восстания, народ победитель никогда не представлял историю и существо подвластного народа в истинном свете. Свое владычество он стремился не только оправдать, но и возвести его в благо для этого народа. Победитель нередко сниживал, разрушал, уничтожал культурные, социальные, бытовые достижения подвластного народа, чтобы возвеличить свои, обратить их в необходимость, в благо. Такова была русская политика в отношении всех подвластных народов бывш. России, такова была она и в отношении Казачества, или еще хуже.

Вспомните, г. г., о московской теории происхождения донских казаков от беглых крестьян Московского государства. На этой нелепой, исторически абсурдной теории воспитывались поколения грамотных людей б. России, ею одурманивалось самосознание Казачества. Результат: среди видных деятелей казачества, „русских интеллигентов“, казаков по происхождению, выработалась психология: быть даже лакеем, но у большого барина...

Едва ли имеется необходимость в доказательствах необходимости изучения самому казачеству истории своего народа по историческим первоисточникам, а не по русским суррогатам.

За 2-х летнее существование журнала „В. К.“ 1½ г. тому назад было получено письмо, единственное в всо-

ем роде, в котором автор его доказывал совершенную ненужность „копания“ в историческом прошлом — „мы хотим быть независимым государством, а остальное пустяки“. Ему было отвечено: вот для того, чтоб этого и другие захотели, захотели все казаки и разумом и сердцем своим, и необходимо и изучение истории своего народа. Это было 1½ г. тому назад, а теперь в портфеле редактора лежит статья — историческое исследование автора этого письма.

В задачу журн. „В. К.“ в первую очередь и входит исследование особо важных вопросов, явлений и процессов из истории казачества по первоисточникам и освещение их с казачьей точки зрения: т. е. с точки зрения интересов и блага самого Казачества, казачьего народа.

Не мало в этом отношении уже сделано, еще большие задачи впереди. Историческому отделу в журнале отводилось и отводится соответственное его значению место.

В скором времени выйдет из печати специальный труд о происхождении казачества;*) одним из главных благоприятствующих обстоятельств выхода его является то, что изучение истории казачества, собирание материалов автором было начато 20 л. тому назад. Истории Казачества отведено большое внимание и в выходящем на днях в свет в „Календаре-альманахе на 1930 г.“

Изучение первоисточников по истории дало возможность определения исторических связей, как и взаимных экономических интересов самих между собою Казачьих Земель — Казакии; определения существования цельного экономического и географического элемента — Казакии, это знакомство подтвердило, что эта Казакия является родиной элементов, из которых образовалось Казачество, на территории которой они и ныне существуют. Исторические первоисточники устанавливают существование единой матери Казачества — Казакии. Исторические документы устанавливают, что Донское и Запорожское Войска, не только по своему устройству, социальному быту, психологии и идеологии, но и по своему происхождению были близко родственны, и это племенное родство между ними несравненно ближе, чем, напр., родство Донского Войска к великорусскому народу.

Мы упомянули, что русская политика в отношении Казачества была хуже, чем в отношении других народов. Русская историческая наука и литература, не говорим уже про мероприятия Российской государственной власти, обращая Казачество в непомнящего родства и своего происхождения, навязав родство измышленное, внедряло в сознание Казачества — необходимость, неизбежность и даже благо для него служения России по существу материала и пушечного мяса для России. Эти: необходимость, неизбежность служения Казачества России и в будущем, у некоторых казачьих деятелей, (назовем А. П. Богаевского и В. А. Харламова) является лейтмотивом всей их деятельностп. И если уже нельзя излечить от дурмана старых, то предохранить от него молодежь является задачей В. К. Это какое-то „идеологическое служение“ казачества России совершенно опровергается историческими документами, историческим прошлым Казачества. Остановимся только на некоторых моментах.

Самостоятельное государственное бытие Казачества диктуется прежде всего желанием, волей, интересами развития казачьего организма, что возможно при использовании земель естественных богатств территории Казакии самим казачеством и другими коренными народами ее, и при использовании самими народами Казакии результатов своего труда. Экономика играет первенствующее значение. Такое же значение она имела в историческом прошлом казачества, ею определялись взаимоотношения в прошлом Донского Войска с Московским Государством.

Главная связь Казачества с последним основывалась не на единстве их происхождения, Это единство совершенно опровергается историческими данными (оно никогда и не чувствовалось Казачеством, как не чувствуется и теперь): устанавливалось оно не единством — психологическим, идеологическим, социальным и бытовым московского (великорусского) народа и казачьего; тут была еще большая противоположность: с одной стороны — деспотия и рабы, с другой — народоправство, равенство, вольные люди; не было основой взаимоотношений и единство религии: хотя казачья церковь и была зависимой формально от патриарха „всея Руси“, имевшего пребывание в Москве, и от митрополита московского, по существу же она была автокефальная. Эта церковная зависимость уже от синода, заменившего патриарха, в сущности от Российской центральной власти, устанавливалась ею с трудом, даже во второй половине XVIII ст., когда Донское войско давно уже перестало быть независимым государством.

Главная связь Донского войска от Московского государства и в то же время зависимость от него была экономическая.

Жизненными экономическими интересами Донского Войска об'ясняется участие его вооруженных сил в Смутное время в пределах Московского государства и возведение на престол своего кандидата — Михаила Романова.

Донское Войско не имело своего хлеба и не потому, что не хотело заниматься земледелием, занятием будто бы мешавшим ратному делу, а потому что по военным условиям, и условиям расположения всех своих городков в долинах рек, с весны оказывавшихся на островах, естественных крепостях, заниматься земледелием не было абсолютно никакой возможности. Не имела Донская республика и собственных боевых припасов — пороха, свинца, огнестрельного оружия. За боевые услуги своего соседа и союзника, Московское государство оказывало ему материальную поддержку, в виде жалованья, правда в ничтожных размерах. Донское Войско пользовалось за то правом свободной и беспошлинной торговли и покупки хлеба в пределах Московского государства, пользовалось в нем положением, по современному — наиболее благоприятствуемой державы. Царь Борис нарушил и разрушил существовавшие издавна взаимоотношения между государствами, прервал дипломатические сношения и установил блокаду Дона.

Стремление к восстановлению существовавшего и явилось решающей причиной участия Донской республики своими вооруженными силами в Смутное время. С государственной точки зрения тогдашней Донской республики это было целесообразно и необходимо, потому что ею преследовалось разрешение своих собственных жизненных целей и задач.

Целесообразна была и поддержка своего кандидата. Решающее значение Казачество имело потому, что у него была реальная, вооруженная сила в 6 тыс. отряде донских атаманов Межакова и Родилова, а великорусское ополчение кн. Пожарского, тоже метившего в цари, разложилось и распылилось по домам. Такой исторический пример в 1918 г. хотел скопировать атаман Краснов: помощью казачьей вооруженной силы восстановить трон Российского императора. Хотелось получить тоже следствие, когда причины, создавшие их были разные.

Экономические интересы Донского Войска в Смутное время диктовали необходимость похода на Москву, т. к. хлеба, кроме московского, достать было не откуда и сбыть свои произведения и добычу было некуда, а в 1918 г. казачество хотело защищать свой хлеб, свои казачьи земли, свою государственность, казачье достояние и только свое, а не Российское, поэтому по зову Краснова на Москву оно и не пошло.

У части казачества была довольно сильна идеология московской царской позже Российской императорской власти, выражавшееся в извращенной формуле государственного бытия, выработанной москвофильской старшиной в конце XVII в., в период уже вассальной зависимости Донского Войска от Московского государ-

*) Ген. Быкадорова. Ред.

ства: „да здравствует великий царь в Москве, а мы (старшина) на Тихом Дону“ Это уже — извращение Казачьего народоправства. К сожалению у некоторых казачьих деятелей эта идеология еще не изжита и это „здравствование“ подразумевается, хотя бы в виде „маленькой автономии Донского Войска“.

А вот исторический пример „здравствования“ в Москве, результат для Донского Войска посажения на трон московский, даже своего кандидата. В результате своего решающего участия в событиях Смутного времени Донское Войско, правда, временно выиграло. Восстановлены были дипломатические сношения Донского Войска с Московским государством, восстановлена свобода торговли в нем, Донское Войско было признано независимым государством. Скоро, однако, положение вещей изменилось.

Почувствовав и испытав на себе силу Казачества не только физическую — вооруженную, но идеологическую и социальную (народоправство — свободы и равенства), становившихся практической программой, „соблазном“ для московского народа, Московское государство боялось и ненавидело казачество, больше чем турок и татар. Турецкое государственное и социальное устройство, самодержавие турецкого султана, конечно, были более родственны и ближе для Московского государства, чем казачье народоправство.

Донское казачество и Московское государство — это два особых мира, две особых стихии; взаимоотношения их непрерывная вражда и борьба, обращавшаяся нередко и в вооруженную. Желающим получить фактические данные, достаточно обратиться к труду проф. Сватикова — „Россия и Дон“.

Мы привели выводы; располагаем историческими материалами, претворение их в усвоиваемую читателем форму и является задачей журн. „В. К.“ В задачу журн. В. К. входит не только восстановление действительных фактических, исторических данных, относящихся к особо выпуклым событиям, явлениям и процессам, но и осмысление их, освещение их с казачьей точки зрения, а таковой может быть единственная — интересы и благо самого Казачества.

Какие же возможности имеем мы сейчас?

За все свое бытие Казачество — осуществило ныне одно из высших культурных благ — оно имеет действительно казачий печатный орган — журнал „Вольное Казачество“.

Казачество обескровлено, душа опустошена.. Казачьи средства, вывезенные из казачьих государств, истрачивались и тратятся для создания „здравствования“ всероссийского монарха или президента в Москве — (что вывезет), т. е. для создания новых оков на Казачество. Материальные рессурсы казачьей эмиграции — заработок ограничен и Казачество приучено получать литературу, как угощение — бесплатно. Работа и издание даже отдельных исследований требует больших средств.

Для представления о реальных трудностях: приведу пример. Маститый историк Костомаров в 1883 г., приглашенный Донским Войском написать историю этого Войска, определял: необходимый срок для этого не менее 5 лет, стоимость в 100 тыс. рублей, при условии предоставления 4-5 сотрудников; и это при условии доступа во все архивы.

Работа по историческим вопросам требует большего труда, усидчивости и затрат средств — на издание. Среди донской молодежи много агрономов, юристов, химиков и др. специалистов, но, насколько мне известно, нет ни одного, подготовленного к работе по истории.

Заграницей можно собрать много ценных материалов, относящихся к истории Казачества; журн. „В. К.“ и призывает казаков, любящих казачью старину, уделить часть времени для сбора их. Что, где, как искать, желающие могут найти указания в редакции „В. К.“

Я коснулся лишь вскользь одного из отделов журн. „В. К.“, а их много. И если журнал „В. К.“ приобрел настоящую ценность и значимость, и все более и более совершенствуется, то благодаря прежде всего сотрудникам и редактору его.

Как бы ни были хороши музыканты, гармония и цельное восприятие создается искусством дирижера. Условия же работы сейчас еще для дирижера-редактора таковы, что ему для многих музыкантов и ноты надо написать и подготовить их музыку для восприятия ее.

В том, что журнал представляет идеологически цельное, единое, гармоничное заслуга редактора, результат искусной руки дирижера. И вот за то, что индивидуальное творчество каждого сотрудника сохраняется и сохраняет возможности развития, я как старейший сотрудник, считаю долгом в сегодняшний день 2-х летнего юбилея журнала „В. К.“ редактору его Игнату Архиповичу Билому принести глубокую благодарность.

Слово инж. В. Бейсуга.

После речи ген. Быкадорова, редактор оглашает следующее писанное слово инж. В. Бейсуга (сам он из-за болезни горла говорить не мог):

В день двухлетнего юбилея выхода в свет первого номера журнала „В. К.“ нам хочется поделиться со всеми, кто задумывается над производимой над журналом работой, одной мыслью.

Журнал ведет работу в области политической идеологии Казачества, разрабатывая ее и укрепляя казачье самосознание. Журнал ведет работу в области истории Казачества, разбирая анализируя его прошлое. Но каков же смысл постановки на его страницах проблемм экономических? Вот этот вопрос и приковывает сегодня наше внимание.

Экономическое благостояние народа не является само по себе конечной целью народного развития. Оно лишь средство и условие для развития духовной культуры народа, как ценности абсолютной и высокой. Но развитие культуры материальной и духовной неразъединимо, хотя и не всегда идет в одинаковом темпе и не совершается всегда гармонично. Всем известно старое изречение, что в здоровом теле — здоровый дух. Его можно понимать не только буквально. В нашем случае дух — это духовная культура народа; тело — это его материальная культура и экономическое благосостояние. И в искалеченном теле иногда горит священный огонь гения, но исключения не делают правила. Мудрость старого греческого изречения уже давно признана всем человечеством. Тем более верно оно в применении к тому народа.

Трудно представить себе Казачество в семье культурного мира до тех пор, пока казачьи земли не будут связаны с этим миром проволокой телеграфа, пока не покроются они сетью железных дорог, и просто дорог. Трудно сделать все население грамотным, если нет средств на постройку школ и т. д., и т. д. И если высокий уровень материального благополучия населения еще не гарантирует высокой культуры духовной, то он во всяком случае дает лучшие условия для ее развития. Это нужно твердо помнить всем, кто задумывается над грядущими судьбами Казачества. Недостаточно помнить, нужно эту мысль бросить в массы и заставить их усвоить ее. Нужно заставить понять, что не только оружие и кровь, не только дипломатические ходы и политическая идеология определяют судьбы народов, но и их народное хозяйство. Нужно научиться ценить и любить его, так же как любим мы свою историю, свои песни, свою природу. Пробудить интерес читателей и к этим вопросам, заинтересовать ими и проникнуться важностью их разрешения — вот первая основная задача постановки экономических тем на страницах нашего журнала.

Но поставить вопрос, хотя бы и в полном сознании всей его важности, это еще не все. Дальше идет еще большая и важнейшая задача — решить его. В этом отношении перед нашим журналом стоят огром-

нейшие задания. В былых условиях Российской государственности вопросы экономики Казачьих Земель почти никогда не ставились, ибо как то и не вязалось с духом целого взгляда на казаков, как на исключительно „военное сословие". Решаться же — они и совсем не могли, т. к. для этого нужно бы было называть вещи своими именами и резать правду-матку. В условиях Империи на все нужно было смотреть через призму Империи. Ни один кусочек ее земли, а тем более Казачьей Земли, не мог рассматриваться и изучаться сам по себе, сам для себя. В итоге мы сами себя и не знали. Мы усваивали в школах с достаточною ясностью, сколь важен наш хлеб для иностранцев, сколь важна наша шерсть для Московской промышленности, какую часть продукции Империи дает наш угольный Донецкий бассейн и т. д., но мы не знали, что же представляет наше то казачье народное богатство само по себе. Такого и понятия не было, да и быть ему считалось опасным. В результате мы любили гордиться плодородием наших земель, богатствами наших гор, разнообразием нашей растительности, но... сидели у моря и ждали погоды.

Предприимчивый дух здоровой инициативы нашего населения толкал нас вперед по пути и экономического развития. В выпускаемом ныне издательством, „В. К." Календаре-Альманахе всякий интересующийся может познакомиться и с этой стороной жизни Казачьих Земель. Но никаких выводов из своего экономического развития мы никогда не делали, его недооценивали, его не понимали. Направить мысль своих читателей и в эту сторону — вторая задача и смысл постановки казачьих экономических проблемм на страницах журнала.

Выделить с в о е народное хозяйство с а м о е п о с е б е, разобрать его, определить его с о б с т в е н н ы е пути, поставить с о б с т в е н н ы е вехи, измерить с в о и м и масштабами, а потом сравнить с другими — вот отдельные стороны этого решения. Оно и ответственно и трудно, но браться за него давно пора. Вот почему и должен уделять всем этим темам место на своих страницах голос свободной Казачьей мысли. Таков собственно ответ на поставленный в начале вопрос.

Но не можем мы не обратить внимание и еще на одно обстоятельство. Его бы было можно назвать в о с п и т а т е л ь н о й стороной постановки экономических тем и их решения, что, впрочем, возможно является лишь нашим индивидуальным взглядом. С тех пор, как стала просыпаться политическая мысль в Казачестве, мы слишком хорошо постигли одно губительное искусство: искусство взаимной жизни. Мы слишком любим становиться в ряды принципиальной оппозиции, спорить ради спора, возражений, бороться со всем — лишь бы бороться и мыслить только чисто негативно. „Долой то-то и то-то" — вот обычный эпиграф и краткое содержание большинства политического кредо казачьих политиков. Но что же „да здравствует!" — это в большинстве случаев покрыто мраком неизвестности. Рвать и метать! — В этом быть может молодость казачьего политического самосознания, быть можеть претворенное в мысль вековое держание шашки и пики в руках.

С шашкой и пикой нам расставаться не следует. Но надо не только разрушать, надо и строить. Одними призывами грома и молний на головы врагов, одними проклятиями и карточного домика не построить. Нужна позитивная идея. Большой плюс в этом отношении имеют экономические вопросы, а тем более в условиях казачьей действительности. Здесь ругаться нечего, здесь нужно давать нечто положительное.

Не бесплодной ненавистью к кому то и чему то проникается сердце при изучении богатейшей природы Казачьих Земель, но пламенной любовью к ним. Не праздной самокритикой сковывается мысль при рассматривании их народного хозяйства, но одухотворяется она жаждой творчества и труда. В этом великое воспитательное значение познавания самих себя с экономической стороны и искания новых путей своего экономического развития.

Пусть же и в дальнейшем наш журнал творит положительную работу в этом направлении, ибо спасение казачества не в истерических криках до раздирания глотки „долой!", но в спокойном и властном — „да здравствует!"

Речь Константина Полякова.

Далее слово предоставлено было К. К. Полякову.

Это было в 1917 году, начал он, когда холодный север запылал жгущим пламенем революции. Грани Казачьих Земель обросли высоким бруствером траншей. В них залегли люди, под шинелями которых билось сердце — за свободу казачью. А позади них, в родных станицах и хуторах звучал набат, зовущий всех оставшихся, кто способен удержать в руках оружие. И шли малые и старые. Дети и отцы, внуки и деды. А там, вдалеке, родилась бессмертная песня Ф. Д. Крюкова. Ее знали и знают все казаки, она накаляла души бойцов любовью к Родимому Краю. Она давала им возможность легко и спокойно умереть „за свой порог и угол". „Родимый Край" — родилось это большое произведение из под его пера. И что же?.. Будто стерлась грань долгого времени — трехсот лет, отделяющих нас от того момента, когда этот край был только нашим, Казачьим Краем.

Пала завеса истории и мы, казаки, нашли себя и возродили все свое, казачье. А там на фронте разгоралась канонада и кровь казачья лилась рекой. А набат все тревожней, все беспокойней гудел по станицам, где его уже слышали одни только женщины, да дети казачьи.

А баяны все пели свою прызывную песню. Федору Дм. Крюкову вторил Р. П. Кумов. Они звали казаков на бой за родную землю. Звали их поднять пыль на шляхах копытами своих коней и разметать вражьи полки, которые угрожают чести их родины и благополучию их семей и хозяйств.

Рассекая столетия, из глубины их слышался призыв героя Атамана Кондратия Булавина: „За Дон пресвятые Богородицы, за Всевеликое Войско Донское, встать и умереть за одно". Борьба, которую начал он, не кончилась с его смертью, она только приостановилась на время, и теперь возобновилась с новой силой за то же, за что была начата.

И эти слова и славное прошлое Казачества воскрешалось на страницах казачьих органов свободного печатного слова. Виктор Севский-Краснушкин своим блещущим талантом, волей и энергией ковал новую, казачью журналистику.

Она воспитывала в казачьей общественности и в нашем народе гражданское самосознание и подготовляла его к решительному и, может быть, последнему бою.

В это время уже солдатские полки топтали казачьи поля. Русские снаряды рвали ряды казачьих войск и русские же козни мешали казачьей государственности в тылу.

Пришел жуткий 19-й год. Русь полонила нашу Родину. Замолкли казачьи ружья и орудия, замолкли и песни казачьих Баянов. Умерли Крюков и Кумов — эти вдохновители борьбы за свободу. Русские пули склонили к земле Виктора Севского. С их смертью кончился первый период Казачьей национальной литературы, закончилась и первая эпопея народной войны.

А дальше?.. Мерный плеск морских волн, качающиеся на волнах корабли и жалобное ржание оставленных коней. С болью в сердце смотрели казаки на покинутых друзей, с которыми разделяли радости побед и горе поражений. Рокотало Черное море и при виде его еще чернее становились думы казачьи...

Нога казаков ступила на чужой берег. В нужде, поисках хлеба, заполнили они шахты и тунели, мастерские и заводы. Сами привыкшие быть хозяевами, стали работниками у чужих людей. День за днем проходит в муках. Они жили и живут телом здесь, на чужбине, мыслями там, в родном краю. А в голосе один вопрос: Как и когда же домой?

Раз пережитое поражение не убило казачьего духа, ибо вера их крепка, а любовь к Родине горячее огня.

И Казачество дождалось второго набата. Десятого декабря 1927 года в Праге Чешской вышел в свет печатный орган независимости Казачества, и Казачья Правда возродилась вновь.

В разных странах мира глаза казачьх юношей, за годы изгнания ставших мужчинами, и казачьих мужчин, превратившихся в стариков, заблестели блеском радости. Одно название говорило все. А содержание подтвердило им, что прямой казачий шлях гораздо удобнее, честней и прямее, чем извилистые тропинки российской партийности.

Журнал своей истинно-казачьей проповедью привлек к себе максимум литературных сил. Большинство из них занималось творческой работой и раньше, но не давало своих материалов в ранее выходившие печатные казачьи органы по той причине, что не верило в их истинную казачью политику.

Казачьи литературные силы нашли в журнале „Вольное Казачество" свою трибуну. Со страниц его они получили возможность делиться мыслями со всем казачьим народом.

С этого времени начинается второй период казачьей литературы, который по своему характеру ничуть не отличается от первого периода. Он имеет ту же особенность призыва к борьбе. Да иначе и быть не может. Если цель еще не достигнута, значит борьба продолжается.

На этом основании мы можем отметить в нашем журнале, главным образом в его художественной литературе, наличие произведений политического характера, лирические почти отсутствуют. Это об'ясняется все тем же бурным временем, которое переживает казачество. А если принять во внимание то, что литература является зеркалом всех событий своего периода жизни, а душа творящих преломляет и воспринимает все стремления и чаяния своего народа, то такая особенность творчества станет совсем понятной.

Когда люди идут на бой, то они не поют романсов, не вспоминают о трелях соловья или гроздьях акаций. А они поют или гимн, который заставляет их презирать смерть, или песню, которая напоминает им о Родине, за которую можно и умереть...

Все это подходит к нашему моменту. Было бы печально, если бы слова, из которых сотканы произведения наших писателей, оставались только словами. Литература такого рода не приблизила бы нас к цели освобождения наших Краев. Такая литература не доказала бы, что народ имеет право на свою самостоятельность. Но к счастью мы имеем доказательство того, что наши настоящие литературные силы не только вдохновляли других на борьбу, но и сами шли в свое время навстречу смерти, разделяя со своим народом его участь.

Основным кадром казачьих литературных сил является молодая генерация. Там на Родине, они были почти детьми и то многие и многие из них успели подержать в своих слабых тогда еще руках тяжелую винтовку. Некоторые же из них и кровь свою оставили на родных полях, защищая присуд Казачьей Земли.

Из этого мы видим, что у наших писателей слово не расходится с делом. Поэтому наша национальная литература и является передовым борцом за право на Свободу своего народа.

Необходимо отметить те несомненно тяжелые условия эмигрантской жизни, в которых приходится трудиться нашим литературным работникам: многие работают физическим трудом. Днем на заводах молотом куют чужой металл, а в немногие свободные часы своим творческим трудом поддерживают знамя Вольного Казачества и тем сокращают путь к нашим целям.

Но не все в состоянии были вынести тяжелые условия такой жизни. В 1929 году жестокая смерть выхватила из наших рядов, Казачьего поэта, светлой памяти Юрия Федоровича Гончарова. Одна струна оборвалась на лире, воспевающей казачью волю. Но, теснее сомкнулись ряды молодых казачьих писателей над его еще свежей могилой. Еще дружней запели они гимн Родимому Краю, которого он больше уже не увидит. Каждая борьба требует жертв и одной из них стал он. Честно умер на своем посту, держа крепко в своем разуме и сердце до последних дней своей жизни идею независимости Казачества.

Учитывая тяготы жизни наших литературных работников, нужно сказать одно: пусть Казачество уделяет больше внимания им, освещающим путь в родные, поруганные теперь края.

Сказав о двух периодах казачьей литературы, нельзя остановиться только на этом. Многие могут подумать, что казачья литература возникла только теперь, в эпоху последней революции. Но это не так, она существовала и раньше, правда в иных формах. Это была казачья песня, которая отобразила в себе все особенности жизни казачьего народа. Она имела большое воспитательное значение. И если вспомнить, как каждый казак любит свою песню, то можно сказить, что лира народных баянов пела в унисон со струнами казачьих душ.

Вспомним славное старое Запорожье. Состарившиеся в боях, седые казаки, под аккомпанимент бандуры пели песню о рыцарях казачьих, о далеком прошлом. Зажигались блеском отваги глаза казаков и запорожские чайки с особенной силой резали волны Черного моря.

Казачья литература не знала печати, она носила устный характер, потому что Казачество живя в составе России, не пользовалось правом свободы своего слова.

Обыкновенно там за словом с в о б о д а следовал звон кандалов. А решившиеся заговорить о казачьей свободе, кончали жизнь свою на черной Московской плахе.

Но народная литература, несмотря на все препятствия и свою устную форму, дошла до наших дней и явилась вдохновительницей творящих теперь новую казачью литературу. Она не исчезла в пропасти прошлых столетий, а, наоборот, постепенно передала современной литературе почти все свои мотивы.

Так пусть же знают все наши, а особенно все те, кто против нас, что Казачий народ не только сохранивший старую литературу, но и развивающий новую, не умрет, он будет жить.

Имя богатого духом Казачества не увидят страницы истории в списках народов, исчезнувших с лица земли, наоборот, туда золотыми буквами будет вписана не только слава военная, но теперь уже и его культурная слава...

Слово С. Б. Балыкова.

Как калмык говорил Санжа Балыков (секретарь редакции):

Для меня — начал он, — постоянного сотрудника журнала „В. К." со второго его номера и с 30-го номера ставшего одним из ближайших работников по редакции, сегодняшнее скромное торжество особенно радостно и особенно значительно.

За двухлетнее существование этого журнала я так сросся и свыкся с ним, что не могу мыслить существование и дальнейшее развитие нашей политической идеи без этого журнала.

А кроме того, как калмык, я имею удовольствие утверждать, что до сего времени ни один казачий печатный орган не имел такого широкого распространения среди Калмыцкого народа, как журнал „В. К."

Это об'ясняется, во-первых, тем, что журнал „В. К." в известной своей части является и нашим, калмыцким, журналом, так как до него ни один журнал в казачьей эмиграции не уделял столько места и внимания делу и жизни Калмыцкого народа, а во-вторых тем, что политическая программа Вольного Казачества пользуется сочувствием многих моих собратьев.

Последнее обстоятельство для нас, калмыков-вольных казаков, имеет большое моральное значение, так

как оно указывает, что национальное самосознание в Калмыцком народе еще живо и что мы правильно поняли желания своего народа, что в свою очередь окрыляет нас на дальнейшее тесное сотрудничество с Вольным Казачеством, с нашим естественным союзником, продолжая этим историческую традицию наших предков.

Для нас, калмыков-вольных казаков, сознание неотъемлемости права нашего народа на самоустроение своей жизни настолько несомненно, что мы даже и не думаем по этому поводу с кем бы то ни было спорить и кому бы то ни было что доказывать. Мы будем спокойно и неуклонно делать свою посыльную национальную работу, что, думать, есть долг каждого преданного сына своего народа.

Причем, в своей национальной работе, мы не исходим от культивирования ненависти к кому бы то ни было. Мы только стараемся укрепить в душах наших собратьев уверенность в его праве на клочек собственной земли под солнцем и на устроение своей национальной жизни по своему усмотрению и по своему разумению. Мы стараемся внушить им, что нельзя дальше, в наш век, век освобождения народов, спокойно терпеть над собой полное господство другого народа, ибо в этом случае будет казаться; что „Терпишь — значит хочешь терпеть!"

В этой нашей задаче роль журнала „Вольное Казачество" есть и будет велика.

Речь проф. М. А. Славинского.

В своем приветственном слове проф. М. А. Славинский подчеркнул прежде всего все ухудшающееся внутреннее положение в совдепии. Это, продолжал он, заставляет нас насторожиться. Вообще настоящий момент обязывает нас ко многому, ибо мы, возможно, стоим действительно накануне больших событий. Вероятно, добавил профессор, мы будем теперь опытнее и будем действовать в будущем сообща.

Большую часть своей речи проф. Славинский посвятил возможности и необходимости осуществления идеи (не раз уже затрагивавшейся и на страницах „В. К.") „Черноморской антанты" (а может быть и „Черноморско-Каспийской), т. е. союзу народов, тяготеющих к Черному и Каспийскому морям, т. е. Украины, Кавказа и Казачьих Земель.

Приветственное слово представителя горцев.

Представитель Народной Партии Горцев Кавказа в Праге г. инж. Коста Зангиев приветствует редакцию следующим словом:

Разрешите мне от имени Народной Партии Горцев Кавказа поздравить в лице редакции журнала „Вольное Казачество" всех наших друзей-казаков, посильно поддерживающих издание этого журнала, со 2-й годовщиной со дня выхода журнала впервые в свет. Лишнее говорить о том огромном значении, которое имели эти 49 номеров журнала. Журналу не было надобности производить какую либо революцию в казачестве, журнал должен был лишь пробудить те чувства, которые глубоко и издавна сидели в умах и сердцах казачества. Говорят, что нужно иногда потратить слишком много слов для того, чтобы одно слово взяло верх, и быть может Казачеству придется говорить очень много и не меньшее сделать, чтобы взяли верх два слова — „Вольное Казачество". Но не важны сроки, важно лишь правильно взять путь, а путь этот, повидимому, „Вольным Казачеством" намечен правильно. Пусть и были кое-какие недочеты, но ведь сущность солнца не в его пятнах.

Очень рад, что имею возможность быть участником сегодняшнего торжества, желаю, чтобы журнал „Вольное Казачество" послужил хорошим духовным завещанием будущему поколению славного и свободного Казачества.

Речь Ив. Ст. Бойко.

В кратких словах оратор характеризует жизнь и настроение казачьей молодежи заграницей.

Бросая упрек в адрес той части молодежи, которая предпочитает чужое своему, родному и близкому, он противопоставляет ей ту казачью молодежь, которая здесь за рубежом стремилась к созданию казачьих организаций и к воспитанию себя в казачьем духе.

Как, например, говорящий указывает на существование в Шуменской гимназии станицы имени Степана Разина и на организованный после в Мор. Тшебовской гимназии курень имени Атамана Кондратия Булавина.

Заканчивая свое слово, Ив. Ст. Бойко призывает казачью молодежь к казачьей идее и воле к достижению ее, а обращаясь к старому поколению, просит содействовать развитию и росту новых казачьих сил.

Слово Ф. М. Штовханя.

Високодостойні Пані і Панове!

Надзвичайно тяжким і довгим життєвим шляхом іде нарід Козачих Земель, захищаючи свої права і землі в непосильній боротьбі чи то з явними, чи з тайними ворогами. Дорогою ціною платять козаки за кожний отстоянний крок. Кровью кращих своїх синів политі поля Козачих Земель за їх майбутнє, за волю і за самостійність свого народа. Ще й сьогодня передо мною стоять свіжі чорні могили — „високії ті могили чорніють як гори та про волю нишком в полі з вітрами говорять", — під якими одпочивають кості тих, що полягли за долю козачу. Перебіг козачого життя за останні десять років дуже багатий на сум... А жертв все прибавляється... Лише де-не-де проріже бувало темряву нашого життя світлий промінь. Але ж не могли вони побороти ще духа тьми. І лише сьогодня я маю щастя бути в світлому, сильному промені сонця козачого — сьогодня святкуємо вже другу річницю козачого журнала „Вільне Козацтво", біля якого, під умілою рукою редактора, зібралася еліта козачої інтелігенції, що виявила невмирущу духовну могутність того народа, який її породив. Бо ж подивіться: кожне слово, кожна строчка в журналові „В. К." є милий і дорогий відбиток життя і стремлінь Народа Козачих Земель. Кожний козак бачить в журналі самого себе...

Вільні козаки з Подебрад вітають шановного редактора нашого козачого журнала Гната Архиповича Білого і всіх його сотрудників, та бажають їм сили та здоровья продовжувати роспочату працю. Кріпко ж держить в своїх руках прапор Вільного Козацтва, поширюйте рух, об'єднуйте Козацтво...

Хай високим, гордим і незалежним прапором журнал „Вільне Козацтво" розівьється в скорому майбутньому на Козачих Землях... Бо ми віримо, що

І там, де чувся дзвін сталевий,
Замріє волі квіт рожевий!
З вогню і крові встане Мати
І собире синів до Хати!

Хай живе Вільне Козацтво!..

Слово проф. Ф. А. Щербины.

В числе приглашенных на вечер гостей был и старый черноморский казак, профессор Ф. А. Щербина. По желанию присутствующих казаков, он поделился с гостями из своего прошлого короткими, но характерными воспоминаниями.

Ни в молодости своей, подчеркнул старый профессор, ни впоследствии я не участвовал ни в войнах, ни в сражениях, ни в каких либо кровавых схватках, но всю жизнь был вольным казаком и не прерывал связей с казачеством. Сидел ли я в тюрьмах за свое казачье вольномыслие, находился ли в административной ссылке, работал ли, как специалист в земстве, как литературный работник в журналах и газетах, как ученый исследователь народной жизни, или как практический деятель у себя на родине и в земстве, как заведующий огромною экспедицией по исследованию степных областей, как член Второй Государственной Думы, в которой я с'организовал казачью фракцию и был ее председателем, как непременный участник в казачьих радах и т. п., я никогда не сходил с почвы науки, культуры и неусыпного труда и во всех положениях и ролях оставался рядовым вольным казаком без чина и эполет...

Далее проф. Щербина говорил о том, как имея большие деловые связи с министрами, генерал-губернаторами и вообще с высшими военными и гражданскими властями, он всегда вел свою линию самостоятельно и независимо.

Как характерный факт в этом отношении, он упомянул о том, что он первым провел оффициально постановление в 1900 г. о необходимости для России конституции в так наз. Сельскохозяйственном Комитете в составе его из губернского и 12 уездных предводителей дворянства и 75-ти земских и др. деятелей Воронежской губернии под председательством местного губернатора. Доклад Ф. А. Щербины вызвал большое движение в интеллигентных кругах Петербурга, России и отчасти заграницей и в свое время был напечатан редакцией журнала „Освобождение“ в Штутгарте.

Упомянувши еще о некоторых других эпизодах из своей долголетней практики, Ф. А. Щербина обратился к присутствовавшим казакам со словами: крепко держаться друг друга, отстаивая свои казачьи интересы и право самостоятельно строить свою жизнь на принципах общечеловеческих идеалов.

Слово Г. В. Омельченка.

Гр. В. Омельченко вітає редакцію „В. К.“ і все В. К. як рух, що ставить перед собою творчі, позитивні завдання. Не поділяюче всього программу В. К., промовець віддає їй належне, жалкуючи лише, що журнал „В. К.“ дає на своїх сторінках мало міста мові, на якій говорить більшість кубанських козаків.

Приветствия, полученные редакцией ко дню 10 декабря.

После этого редактор оглашает некоторые из присланных ко дню праздника приветствий из провинции или из-заграницы:

I.

Многоуважаемый, господин Редактор!

Я имел удовольствие получить Ваше любезное приглашение на чествование второй годовщины выхода в свет редактируемого Вами журнала „Вольное Казачество“, и спешу выразить Вам признательность за оказанное мне внимание. За истекший год Ваш журнал, верный своему лозунгу — заглавию и поставленной цели, неустанно ратовал за идею казачьей самостоятельности и тем усиливая борьбу всех народов, в том числе и азербейджанского, за святое дело освобождения от ненавистного ига.

Таково мое впечатление от знакомства с 48 номерами журнала „Вольное Казачество“.

И это обязывает меня, выражая искреннее приветствие Вам, г. Редактор, и в Вашем лице всему составу редакции и ее сотрудникам, по случаю чествования 10 сего декабря, пожелать дальнейшего развития и успеха Вашего уважаемого журнала.

Прошу Вас, г. Редактор, принять уверения глубокого уважения,

А. **М. Топчибашев.**

Франция. 7-12. 29.

II.

Глубокоуважаемый, господин Редактор!

Брненская группа членов Народной Партии Горцев Кавказа поздравляет Редакцию уважаемого журнала „Вольное Казачество“ с двухлетием издания журнала и желает полного успеха в достижении намеченной им цели.

С полным уважением В. **Белаев.**

8 дек. 1929. Морава.

III.

Общеказачья Студенческая
Станица в Белграде.
№ 3. 6 дек. 1929 г.

Редакции журнала
„Вольное Казачество“

Общеказачья Белградская Студенческая Станица сердечно поздравляет Редакцию нашего истинного казачьего журнала по случаю его второй годовщины выхода в свет и шлет свои лучшие пожелания в его дальнейшем развитии на пользу всего Казачества.

Дай Бог счастья и благополучия верным сынам Вольного Казачества, сумевшим в тяжелые дни зажечь огонь правды в сердцах казаков и указать им путь, с которого, ставший уже на него, не сойдет.

Сердечный привет поднявшим знамя борьбы за освобождение и возрождение Вольного Казачества. Ура!

Атаман Студенческой Станицы

А. Беломестнов.

IV.

Смедеревское станичное
правление
№ 41. 1929 г. 5 декабря
Смедерево.

Господину редактору журнала
„Вольное Казачество — Вільне Козацтво“.

Поздравляю с торжеством двухлетнего юбилея издания дорогого нам журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“ и желаю Вам успеха.

Дай Бог, чтобы начатое Вами дело процветало и имело и дальше такой же успех, как и до сих пор имеет...

Еще раз от лица вверенной мне станицы поздравляю Вас с праздником и желаю провести его как можно лучше. Привет Вам от казаков и меня.

Атаман Смедеревской станицы

Сотник **Гонзус.**

V.

Правление Кубанского
Каз. хутора в Грделице
№ 27. 4 дек. 1929 г.

Многоуважаемый Г-н Редактор!

Разрешите от имени Кубанского каз. хутора в Грделице приветствовать Вас по случаю второй годовщины редактируемого Вами дорогого для всех нас, казаков, журнала „Вольное Казачество". От глубины казачьей души желаем Вам полного успеха, счастья и здоровья продолжать и в будущем редактирование этого журнала. Этот журнал мы любим и уважаем. Еще раз с годовщиной нашего милого и казачьему сердцу близко стоящего журнала.

Хуторской Атаман **И. Федаш.**
Хуторской писарь **И. Шевченко.**

VI.

Вольно— Казачий
Юрия Гончарова
Курень в Братиславе
№ 16.

Редакции журнала
„Вольное Казачество — Вільне Козацтво"
в Праге.

Правление Куреня поздравляет редакцию, сотрудников и все Вольное Казачество со второй годовщиной существования журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво". Редакции журнала сердечное спасибо и громкое — Ура! Всем поработавшим на благо Вольного Казачества — многая лета! Да здравствует Вольное Казачество, да здравствует казачья Держава!

Атаман **Безуглов Ив.**
Пом. атамана **Ив. Бойко.**

VII.

Господин Редактор!

Мы, казаки в Румынии, по случаю исполнения двухлетней годовщины родившегося на горькой чужбине родного нам „Вольного Казачества", приносим Вам, а также и всем Вашим помощникам, работающим на восстановление попранных прав Казачества, наш дружеский казачий привет, полный искренней благодарности, и убедительно просим Вас и в будущем крепко держать поднятое Вами свободное казачье Знамя.

Даже здесь, на чужбине, нам легче живется, когда мы слышим наш родной, казачий голос, призывающий Казачество к своему казачьему единению. В этом целебном призыве мы черпаем силы для печального настоящего и для нашего радостного будущего.

Наша вам казачья поддержка! Никуда не сворачивая, вперед и только вперед! По казачьей Дороге на нашу Вольную Землю!

10-XII-29 г. **В. П. Елисеев.**

VIII.

До Хв. Редакції журналу „Вільне Козацтво" в Празі.

Українська Громада на Туреччині, в котру входять також і сини Кубані, шле к другій річниці існування всекозачого журналу „В. К." найкращи побажання, головним з котрих ліче — побільшення числа читачив до Краю, себ то, щоб як найскорше читачами були усі, усі козаки... по сей і... „по той бік"...

Українська Громада на Туреччині.

IX.

В. Шановний Пане Редакторе!

... Прошу вітати від мене В. Редакцію з нагоди другої річниці існування часопису.

З правдивою пошаною до Вас, **Дм. Андрієвський.**

Брюссель, 1929.

X.

Високоповажний П. Редакторе!

З нагоди двохліття „Вільного Козацтва" дозволю собі й я привітати у Вашій особі всю редакційну та ідейну Родину. Постать велика, працівників мало, тернів на шляху — на кожнім кроці... Отож — братерської згоди, сили та терпіння у праці від щирого серця бажаю Вам усим... Ще не вмерла козацькая Мати!

На Вашому Святі вважайте мене присутнім.

Увесь Ваш **Т. Олесіюк.**

P. S. І я теж... Дозвольте Вас привітати цілком свідомо, а не для „приличия"...

Борис Ржепецький.

Варшава.

XI.

М. Г., г-н Редактор!

Да здравствует „Вольное Казачество"!

Ив. Томаревский.

Болгария.

XII.

М. Г., г-н Редактор!

От души желаю Вам и всем сотрудникам „В. К." провести этот вечер в чести и душевной радости нашего празднования. Я и все мои единомышленники сожалеем о том, что живем от Вас далеко за горами, но все же мы всегда душею с Вами.

... Наливайте чай полнее,
Веселитесь там дружнее, —
И нам будет веселее...
. . . . . .
Проводите, что начато,
Ибо дело Ваше свято.

Привет. **И. Уколов.**

Болгария.

XIII.

К ДВУХЛЕТНЕМУ СУЩЕСТВОВАНИЮ ЖУРНАЛА „ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО".

Посмотри, еще ребенок! А как уж говорит!
Все его слова серьезны, в них Правда светлая сквозит!
Режь же Правду, на стесняйся! Правда режет всем глаза!
Сама же—ангел лучезарный, чиста, прозрачна, как слеза!
Кто любить умеет Правду, не утратит чести никогда
И долг, на нем лежащий, донесет он до конца!
Никто его не соблазнит и ничем не свяжет,
Туме *) же предательской сам он дверь укажет.
Рости, малыш! Будь крепок телом и душой!
Твои песни дивные разнесутся по степям,
Расскажут про многое Вольным Казакам!

А. Золотов.

Сербия.

XIV.

Шановний Пане Редакторе!

В день второй годовщины существования журнала „В. К." казаки и казачки, проживающие в Париже и его окрестностях, приветствуют Вас, г. Редактор, и всех вольных казаков и работников на ниве Вольного Казачества. Пусть и в будущем голос „В. К." будет мощным, доходящим до ушей каждого казака. Несите знамя Вольности, его видят казаки и на него возлагают свои упования. В этот день дальность расстояния мешает нам лично выразить Вам свои чувства, но мы в этот момент душою с Вами.

Несите же и в будущем знамя Вольного Казачества, на котором начертана святая идея, на радость Казачеству и на страх нашим ворогам.

Вітаєм Вас, брати наші. Помогай Вам Бог.

Еф. Якименко. Вера Якименко. Ивахно. Маховицкий. Затенко. Калита. Гузий. Огиенко.

XV.

Дорогой Редактор!

В. К. в Ницце уверены, что выйдет в свет не только 50-й номер журнала „В. К.", но и 500-й, и что читать журнал будут не только казаки одиночки, а все станицы, школы, библиотеки у себя дома, на Дону и Кубани.

*) Тума — изменник.

Поздравляем Вас и ваших сотрудников с годовщиной, желаем Вам сил и здоровья на долгие годы и успеха в начатом, святом для казаков деле.

С низким поклоном (за группу) **Сергей Макеев.** Франция.

XVI.

Редакции литературно-политического журнала „В. К.“ Поздравляю со второй годовщиной журнала.

Ал. Мещанинов.

9-XII-29 г. Морава.

XVII.

Редактору журнала „Вольное Казачество“.

От всей души приветствую Вас и всех сотрудников со второй годовщиной нашего прекрасного журнала „В. К.“ и желаю ему дальнейшего и самого широкого развития и процветания на пользу нашего родного Казачества. 10 декабря в своем одиночестве мысленно и сердечно участвуя с Вами в Вашем скромном торжестве, буду за чашкой чая думать о Вас и сердцем буду с Вами. Дай Бог во всем полного успеха!

Александр Пивень. (Югославия).

XVIII.

Господин Редактор!

Сердечно благодарю Вас за приглашение. Но, так как с. м. делаю II статницу, явиться на праздник „В. К.“ не могу. Прошу не считать меня в рядах демонстрантов.

А. Афанасьев.

Прага 9-XII-29.

XIX.

Глубокоуважаемый господин Редактор!

... Передайте от меня всему славному товариществу, которое соберется на чаепитие, поздравление со столь знаменательным для всех нас днем. Весьма сожалею, что не могу разделить со всеми вами этого вечера. Но думается, что недалеко уже то время, когда мы соберемся все у себя на Кубани, в славном граде Екатеринодаре и там подадим руки друг другу и вместе пойдем на работу на благо всем нам дорогой Кубани и всего Казачества. О! как хочется, чтобы скорее настал этот день! Ветхий днями, я так боюсь, что мне не придется дождаться этого радостного события, после которого с чистым сердцем я мог бы сказать: „Ныне отпущаеши раба твоего“.

Впрочем, хоть плоть моя и немощна, но дух бодр и я думаю, что, если Богу угодно будет продлить дни мои, я смогу еще послужить Казачеству. Так воспрянем же духом и — вперед! к свету, к свету, к славе Казачества и к осуществлению того, что для нас всего дороже и к чему мы стремимся всей душой и всеми мыслями своими! Да сотрется глава змия, да обновится жернов осельский на выя всякого злоумышляющего против Казачества и да потонет в пучине морской! А Вільному Козацтву долгоденствия и славного жития, на враги же победу и одоление на многие лета!!

Югославия. **П. И. Кокунько.**

XX.

М. Г., Г-н Редактор!

Весьма признателен Вам за любезное приглашение на редакционный чай по случаю двухлетней годовщины выхода в свет журнала „Вольное Казачество“...

Дай Бог ему еще много, много лет, все пышнее и пышнее распускаясь, цвести и процветать, зовя казачьи сердца к свету, любви и свободе и чтобы, разбросанные ныне по всему белому свету, былые бойцы, в рядах которых и я провел все три года большевицкой войны, не мирился бы с теперешней долей подневольного чужестранного поляу-раба...

Дай Бог, чтобы в наступающем году не ютилося бы „Вольное Казачество“ по чужим краям и людям, а издавалось, печаталось бы на родной Земле.

Еще раз всего, всего хорошего от всей души желаю как Вам, г-н редактор, так и составу всей редакции.

Е. Е—нов (Румыния).

XXI.

Многоуважаемый г-н Редактор!

Я и моя супруга искренно поздравляем Вас и всех сотрудников журнала „Вольное Казачество“ с двухлетней годовщиной выхода в свет первого номера журнала. Дай Бог многие лета людям, отстаивающим смело и открыто на чужбине светлые идеалы старого Казачества, его честь и его независимость. Дружно работая на возрождение и избавление от ига нашего народа, постараемся отдать ему все свои силы и разумение.

Уважающие Вас **Борис и Елена Кундрюцковы.** (Белград).

XXII.

Глубокоуважаемый г-н Редактор!

Поздравляю Вас со второй годовщиной нашего Вами начатого казачьего дела. Дай Бог Вам силы и помощи довести это дело до желательного конца.

Из горных щелей и дебрей еще так недавно пять веков порабощенной, а ныне гордой и свободной Югославии шлю тебе, Вольное Казачество, сердечное поздравление с началом третьего года, как горит твой яркий и живительный светоч — „Вольное Казачество“.

Пусть же продолжится и крепнет это казачье дело и принесет долгожданный и сладкий плод: „Свободу Казачеству“ на многие века! Доблестным же сынам Казачества, с поднятым забралом, мощно и дружно борющимся за воплощение этой идеи в жизнь — много, много лет здравствовать!

А. Гейман. (Сербия).

XXIII.

Многоуважаемый г-н Редактор.

От чистого сердца поздравляю Вас и всю редакцию с праздником 2-х летнего юбилея литературной деятельности. Дай Бог вам и дальше, с таким же успехом сеять доброе семя среди братьев казаков. Труду Вашему я не нахожу цены: он неоценим! За эти два года вы воскресили массу душ казачьих, потерявших надежду на лучшее будущее Казачества. Вы облегчили моральное состояние казака, ежедневно пребывающего в тяжелой работе, зарабатывающего себе едва на пропитание. Вы не дали казаку впасть в отчаяние, а наоборот заставили его подбодриться, дали понять ему, что Казачество еще не умерло, что оно еще бьется за свою поруганную честь, за оскверненный порог родного куреня, за залитую кровью степь широкую — Колыбель Казачью и за все родное, близкое и милое, казаку только понятное, с молоком матери-казачки воспринятое... Слава и честь Вам, ведущим это великое и трудное дело сеяния семени духовной пищи. Да поможет Вам Бог в дальнейшем на поприще святого дела. Очень сожалею, что не могу быть в среде дорогих братьев казаков. Мысленно и душою с Вами.

С казачьим приветом **Ник. Букин.** (Сербия).

XXIV.

Особенную радость доставляет мне возможность поздравить Вас, глубокоуважаемый господин редактор, г. г. сотрудников и читателей вашего достойного уважения журнала по поводу второй годовщины со дня выхода его первого номера. Должен при этом сознаться, что много приятных минут доставил мне Ваш журнал. С другой стороны, я неоднократно черпал из него бодрость в настоящем и веру в будущее. Возможно, что пока еще не многие достаточно оценивают всю важность деятельности „Вольного Казачества“. Но для меня, имевшего возможность некоторое время своего пребывания заграницей посвятить изучению истории национально-освободительных движений разных времен и народов, факт появления и двухлетнего существования

„Вольного Казачества“ представляется событием исторического для казачьих народов значения. Я уверен, что правильность моего суждения станет очевидной в недалеком будущем, при нашем возвращении на родину.

Мне, как не принадлежащему к казачьей семье народов и связанному с ней лишь давней, искренней симпатией, как постороннему наблюдателю, имеющему, так сказать, перспективу при суждении о казачьих делах, „Вольное Казачество“ кажется ручейком чистой воды, пробегающим в унылых и болотистых берегах нашей эмигрантской жизни. Но этот ручеек, журчанье которого уже переходит в рокот и струйки которого начинают приобретать силу волны, по моему мнению, готов каждую минуту превратиться в бурный поток, захватить в свое течение души всех казаков, смыть все препятствия и докатить свои волны к намеченной цели, так как источником его есть душа свободолюбного казачьего народа и руслом его — жизненные потребности того же народа.

Не беда, что этот поток до сих пор не увлек душ всех казаков, пребывающих на эмиграции. Не приходится этому удивляться и легко найти этому об'яснение. Нельзя себе представить, чтобы нашелся хоть один критически мыслящий человек, который бы сознательно предпочел неволю своего народа благам его свободы. Однако, многим из нас трудно уверовать как в воскресение умершего человека, так точно и в воскресение умершего в государственном смысле народа. Потому должно быть и Иисус Христос, когда воскрешал мертвых, употреблял выражение „он не умер, но спит“, чтобы не производить большого смятения в душах своих последователей. Но мы знаем, что и апостолы, которые были неоднократно свидетелями воскрешения Иисусом Христом умерших, даже Лазаря, начавшего уже разлагаться, не могли уверовать в воскресение самого Иисуса, а один из них в своем неверии зашел так далеко, что заявил: „Если не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра его, не поверю“.

Хотя народы казачьи не умерли как таковые, а находились только в состоянии летаргии под влиянием исторических болезней и насилия иных племен, однако, все же они были мертвыми в смысле государственной независимости и в это именно государственное воскрешение казачьих народов не могут уверовать „Фомы неверующие“. И все же в этом ничего нет страшного. Придет время нашего возвращения домой. Неверующие вложат персты свои в кровавые раны наших многострадальных народов и руки в прободанные ребра их и со слезами запоздавшего раскаяния и с необыкновенной радостью уверуют в светлое воскресение своих народов. При том же, неверие не есть пороком, также как и вера не есть достоинством. И то и другое есть способности души. Одному дано, другому не дано. Но, каждый неверующий, получив некоторые доказательства, может уверовать и вера его может быть более прочной и плодотворной, чем вера уверовавшего без доказательств. Важна лишь любовь к родине, к своему народу, любовь к свободе и честность, а у казаков этих качеств достаточно и потому я верю в светлое будущее казачьих народов.

Весьма отрадным явлением для нашего времени политического каннибализма есть то, что „Вольное Казачество“ не призывает, подобно остальным издающимся в эмиграции газетам и журналам, к ненависти и не возбуждает одной части своего народа против другой, наоборот все его стремления направлены к об'единению всех казачьих народов и отдельных их представителей ко взаимной любви, как детей одной семьи.

Если „Вольное Казачество“ и не провозглашает любви к врагам, то должно быть лишь потому, что этой любви и без того больше, чем надо, даже в ущерб для любви к ближним, так как и Евангелие наивысшей степенью любви признает только — положить живот свой за други своя, но ничуть за врагов своих и своего народа. И это казакам особенно следует помнить.

Оканчивая это письмо, с полным убеждением могу сказать, господин редактор: высока Ваша задача и прекрасна Ваша программа. Желаю Вам здоровья, сил и энергии для ее выполнения до конца.

Да здравствуют вольные казаки и „Вольное Казачество“. С глубоким уважением и преданностью

В. Т—а (Подкарп. Русь).

XXV.

Глубокоуважаемый господин Редактор!

Приношу Вам сердечную благодарность за приглашение на редакционный чай по случаю другой годовщины журнала „Вольное Казачество“. Средства и дальность расстояния не позволяют мне приехать. От искреннего казачьего сердца желаю дальнейшего процветания журнала для сплочения всего Казачества в одну семью с их исконными традициями и укладом жизни.

Ваш покорный слуга **Петр Ив. Недбаевский**.

6—XII—29. Югославия.

XXVI.

В. Шановний Пане Редакторе!

... Жалкую, що безгрішшя не дає мені змоги побувати на чаї та побачити дорогих мені борців за кращу долю козачих Країв. Поздоровляю Вас з сим Святом і бажаю всього найкращого, а особливо благаю у Бога здоровья, котре так потрібне і на дальші дні праці. Борони Вас Боже...

Всим, хто в далекій, нерідній країні
Високо прапор козачий підняв,
Хто не забув свого брата в чужині
И вперто два роки за правду стояв;
Хто все козацтво до купи єднає,
И ліче сей подвиг для себе святим,
В лихо та хуґу утоми не має
И вірно два роки стоїть вартовим;
Хто, горем прибитий та злиднями, бідний,
Не побоявшись ворожих судів,
Перший промовив: „До зброї за Рідний
І волю пригнічених катом братів!..“
Всим, хто сей поклик почув — обізвався,
Хто не крутився сюди та туди, —
Вірним до смерти козацтву остався
И щиро пішов у козачі ряди, —
Я, сідоусий, кричу, що є сили,
Щоб се почули козацтва кати:
— „Ви — свого Краю діточки милі.
Слава вам, слава велика, брати!..

Гнат Макуха.

Югославія.

XXVII.

До редакції журналу „В. К.“

... Щирь вітаю із другою річницею існування Вашого дуже цікавого журналу. Бажаю, щоб він ще довгий час існував на втіху усьому козацтву. Хай будуть здорові усі його співробітники.

Павло Гузій.

Югославія.

XXVIII.

До Хв. Редакції журналу „В. К.“

Два роки минає з того часу, коли вільне слово козацьке залунало на сторінках Вашого шановного часопису. Крок за кроком розбуркує це слово від сну козачу масу і виводить її з манівців московської єдности. Слово це вказує инші, більш відповідальні путі. І може недалекий вже час, коли козацтво сміливо ступить на свій правдивий шлях.

Сердечно вітаю шановну Редакцію з двохріччям виходу журналу, якому бажаю як найширшого росповсюдження серед громадян козачих країв.

С правдивою повагою, Війська Кубанського,

полковник **Цибульский**.

XXIX.

Вольному казаку ко дню второй годовщины его журнала.

Хоть медленно движется кремя суровое,
Но веруй, надейся, жди и не дремли,
Увидишь ты казачество сильное — вольное,
И счастье Родимой Земли.

Казак-калмык **Кузьма Сасыков.** (Франция).

XXX.

Поздравляю все Вольное Казачество с двухлетним юбилеем журнала „Вольное Казачество", успешно пропагандирующего идею самостоятельного Казачества в союзе с его степными соседями — калмыками.

Желаю, чтобы на это было Божье благословение и чтобы она получила воплощение в жизнь. Да здравствует Казакия и Калмыкия.

Вольный казак-калмык **Санжа Аршинов.** (Франция).

XXXI.

Г-н Редактор!

Группа казаков из города Лома и его окрестностей поздравляет Вас и всех сотрудников со 2-й годовщиной со дня появления в свет светлого луча — журнала „Вольное Казачество". Да здравствует Вольное Казачество.

С казачьим приветом **Егоров Н.** (Болгария).

XXXII.

Во вторую годовщину выхода журнала „Вольное Казачество" в свет, поздравляем его инициаторов и все родное нам Казачество. Поднятые Казачьи Знамена за право самостоятельно жить и дышать не опустим, ибо самостоятельность есть закон природы.

I-XII-29 г.

Ив. Скобелин, Павел Кофанов, Михаил Булгаков, Владимир Гуров. (Франция).

XXXIII.

Високоповажний Пане Редакторе!

Вітаємо Вас, співробітників і всіх вільних козаків з другою річницею існування журнала „В. К." Бажаю Вам сил і здоровля в праці на користь всього Козацтва.

Маємо надію, що всі козаки об'єднаються під прапором, котрий Ви вже два роки так кріпко тримаете.

Інж. **А. Барилко,** інж. **Ф. Бігдай.** (Польща).

XXXIV.

До Хв. Редакції журналу „В. К."

... Від козацького серця засилаю вам, славне лицарство, братній привіт в день другої річниці існування „В. К." — того світла, що в темряві освітило шлях волі, шлях до великого майбутнього життя козацтва.

Вгору піднесені старі прапори лицарів, на яких кровію найкращих синів виписано віками: „За свою Рідну Хату, за Волю и Право! — То є священний шлях усього Козацтва, з якого воно вже ніколи не зверне. І хай сичать наши вороги... Йде дев'ятий козацький вал...

Уже в лимані сонце червоніє,
Щось вітер віє бадьоріше...
Гуде вже націй страшний грім,
Що спалить, знищить Третій Рим.

І ось в цей день другої річниці існування „В. К." я з Гродна — з Польщі несу вам славетне лицарство, свій сердечний привіт, а з грудей моїх голосно лунає:

Хай живуть! — ні від кого незалежні, самостійні Держави: Дону, Кубані, Терека, Оренбурга, Яіка, Астрахані, Сибірі, України, Білорусії та Калмицького народу! Хай триває між ними вічний союз і братерство!

В. Конопацький. (Польща).

XXXV.

До В. Ш. Редакції журналу „В. К."

Сердечно здоровлю В. Ш. Редакцию та всіх вільних козаків з 2-х літнім ювилеєм патриотичного та щиро-козацького друкованого слова. Ваши ідеї є ідеями братів ваших, що на землях рідних, Москвою окупованних, страждають і до свого рідного вогнища — „Вільного Козацтва" — свої стомлені очі з надією звертають. Але є ще багато братів Ваших, на эміграції сущих, що, свідомо чи несвідомо, в кайданах московських перебувають. Бажаю, щоби й до їхніх сердець Ваше слово промовило, та щоби й вони, вкупі з Вами, єдиним серцем й єдиними устами ширили, та в життя проводили єдину ідею, яка з раба та наймита робить вільного козака та господаря на своїй земли.

Не рожами, а тернами Ваш шлях укрито. І чужі і свої болотом намагаються закидати не тільки тих, що мали смиливість угору Прапор Козацький піднести, але й саму ідею.

Не лякайтесь. Сміливо йдіть вперед! Чистого діла не в силах забруднити ненависть ворожа. Віра в святість роспочатого діла переможе всі терни та повернe Вам і всьому Козацтву те, що батьки та діди Ваші втратили Вільну Державу Козацьку!

Вперед! Вам сяють ясні зорі
На необмеженім просторі...

З братнім привітом, інж. **О. Костюченко.** Польща.

XXXVI.

В. Ш. Пане Редакторе!

... Братайтеся, єднайтеся, —
В руки катів не дайтеся!..

Сотник К. **Єгунів,** Поручник ... (не розібрано),
Есаул **Б. Фесенко.** (Польща).

XXXVII.

Г-ну Редактору (телеграмма).

Виленская группа казаков приветствует Вольное Казачество со второй годовщиной издания казачьего журнала. Желаем успеха.

Генерал **Савельев,** инженеры: **Сутулов, Тулаев, Семенов.**

XXXVIII.

... От меня — единое желание: здоровья всем вольным казакам. Концентрация всех в. казачьих сил. Служба идее а не личным интересам. И еще — опять здоровья! Ибо, без „В. К.", без идейной борьбы наша жизнь — „смерти подобна"...

Владимир Куртин. (Югославия).

XXXIX.

Многоуважаемый г-н Редактор!

Приношу Вам свои сердечные поздравления с двухлетним существованием родного журнала. Дай Бог, чтобы наш журнал процветал, ширился и был будителем глашатаем и защитником Казачества...

Н. В. Аниканов. (Болгария).

XL.

Поздравляю редакцию и всех сотрудников по работе со второй годовщиной существования журнала и искренно желаю справлять третью годовщину уже в свободных Казачьих Землях. Пусть журнал „Вольное Казачество — Вільне Козацтво" станет первым органом освобожденной и возрожденной Казакии.

В. Курганский. (Белград).

XLI.

Господин Редактор!

Не откажите принять и от меня эти несколько строк стиха в поздравление юбиляру с двухлетним его рождением:

ЖУРНАЛУ „ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО“.

Журнал наш казачий,
Журнал дорогой,
Ты светишь далеко, правдивый,
Отводишь ты душу порой.
Ведь ты на чужбине родился
И правду несешь ты вперед,
Среди-ж казаков ты крестился,
За свой, за казачий народ.
Ты знаешь казачьи невзгоды
И знаешь томящихся нас,
Ты знаешь те мрачные годы
И знаешь недобрый тот час,
Когда взволновались России народы...
Фуражки бежали куда ты ни глянь...
И стаями шли пешеходы...
Спасаться в „родную“ Кубань...
Ты молод, я знаю,
Но старо звучишь для людей,
Тебя я, родной, поздравляю.
Двухлетний твой юбилей.

Вахмистр **Д. Тырин**. (Германия).

XLII.

Дорогие станичники!

Жалею и болею сердцем, что не имею возможности побывать в кругу наших братьев казаков, ибо долг насущной жизни данного моего пропитания не позволяет оставить тяжелый эмигрантский труд. Желаю вам, и нам по судьбе не участвующим, от души и сердца данного торжества о выходе в свет и 2-х летнего существования уважаемого нами правого голоса казачьей печати, органа „Вольное Казачество“. И в будущем идите по тому же направленному пути, как и долг нашей казачьей совести не позволяет забывать традиции казачества и вольной старины, за что политы наши поля казачьей кровью и сотни тысяч буйных казачьих голов сложили за самобытность и вольную казачью идею.

Они сказали:

„Мы не хотим порабощать и угнетать других и не хотим быть порабощенными“. Это и в моей душе глубоко запало. Хочу жить вольным казаком, с выборными Атаманами и Войсковыми Кругами и Радами. Пусть широко развивается казачье знамя и литературный политический казачий орган печати „Вольное Казачество“.

Пусть собирает он своих вольных сынов — казачат во единый, всех казачьих Войск Круг, подумать думушки, как думал наш казак Ермак Тимофеевич на берегу реки Иртыша.

Прошлое наше — наша ошибка. Ныне в изгнании несем непомерный тяжелый труд и влачим нищенское состояние к старости.

Мы разбросанные по всем углам света, в одиночку и группами, крикнем громкое — Ура!!! славному, неделимому Вольному Казачеству. Пусть живет вольная старина казачья и орган казачьей печати — „Вольное Казачество“. Шлю вам казачий поклон.

Казак **Д. Самохин.** (Донского Войска). Чехия.

XLIII.

Глубокоуважаемый, г-н Редактор!

... В виду финансового положения, я не могу прибыть на собрание, назначенное на 10 декабря, но знайте, что мой дух будет присутствовать среди вас. Приношу Вам сердечную благодарность за Вашу работу, которую Вы в течении двух лет принесли на жертвенный алтарь Вольного Казачества. Дай Бог Вам силы и здоровья начатое дело довести до конца.

Е. Тишин. (Моравска Острава).

XLIV.

Господин Редактор!

Вы приглашаете 10 декабря на скромный чай двухлетнего юбилея дорогого нам журнала „Вольное Казачество“. К моему несчастью, обстоятельства не позволяют присутствовать лично, но это не значит, что вольный казак к этому дню отнесется безразлично. Нет, для того, кто прежде всего казак, этот день является историческим, и я в кругу сочувствующих отпраздную этот юбилей...

Пусть сильнее забьется чувство казачьей души.

А для тех, кому Вольное Казачество „полынь“, кому казачество между прочим, пусть этот наш день будет обыденным днем. Но поверьте, настанет время и они поймут всю ценность, и выгоду, и счастье казачьего народа.

Поздравляю с этим юбилеем все Вольное Казачество и сочувствующих ему. За ваше здоровье!! За силу идеи!!! Знайте, вы не одни!!!

А. Тырин. (Германия).

XLV.

Многоуважаемый г-н Редактор!

Имею честь Вас и дорогих мне сынов вольного казачества, держащих гордо поднятое свое Знамя, а Вас, как основателя, поздравить.

С твердой энергией боритесь за наше всевеликое вольное Казачество. Вы не без нас, мы не без вас. В добрый час — смело к третьей годовщине, в свои родные казачьи края, к своим родным станицам, под благовест своего родного колокола, к майдану родной станицы...

И там своим измученным дедам и отцам, женам и детям принести заслуженную казачью славу...

Желаю во всем успеха, а за чашкой чая не забывать, как и раньше, нас, разлетевшихся по белу свету казачьих птиц.

Г. Алферов и казаки. (Орловат, Сербия).

XLVI.

Господину редактору журнала „В. К.“

По случаю годовщины выхода в свет первого номера уважаемого журнала „В. К.“, просим принять от нас поздравление и искреннее пожелание в деле развития идеи казачьей независимости.

Рады видеть в вас господин редактор, энергичного защитника интересов Казачества и умевшего так высоко поставить организацию редактируемого Вами журнала. Благодаря Вашему умелому руководству и серьезному отношению к делу, журнал приобрел в глазах общественного мнения Европы должное внимание, что очень важно для ознакомления с казаками и их политической сознательностью, а так же утверждении в русском мнении той мысли, что казаки не только военно-служилое сословие, — ради „привилегий“, — а и люди, стремящиеся оформить свою политическую физиономию путем возрождения попранной независимости.

Журнал в течении двухлетнего своего существования был подвержен бурям возмущения и целых потоков словоизлияния со стороны не только единонеделимцев, но и со стороны своих автономистов. Многие пророчили, что журнал не выдержит и двух месяцев существования и „обанкротится“, но это все не мешало редакции продолжать свое святое дело: напор был выдержан. Приветствуем журнал „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“ в Вашем лице и выражаем твердое убеждение, что работа Ваша, имея за собой опыт и „боевое крещение“, в дальнейшем пойдет по более легкому пути, что послужит к расширению издаваемого журнала в размерах, достаточных для обслуживания всего эмигрантского казачества. Примите от нас уверение в полной готовности идти к Вам на помощь в Вашей работе. Среди нас есть казаки, ставящие идею Казачества выше всего и готовые в каждую минуту встать на защиту ее не только с пером и стихами, но и с пикой.

С искренним приветом: **Владимир Еремеев, Емельян Кочетов, Максим Муругов, Ю. Питон, Р. Сиохин, Георгий Рыбасов, Михаил Топорков, Яков Колпиков, Пантелеймон Топилин, Герасим Цыганков.**

XLVII.

ЖУРНАЛУ-ЮБИЛЯРУ.

Ты еще очень юн,
Но звукам Твоих струн
Внимает весь Казачий Свет,
Хоть шлет Тебе привет
Всего лишь горсточка сердец...
— И плачет Старый Дон-Отец,
Не видя братства меж сынов,
И дни тяжелые оков
Лишь красит вереница снов...
. . . . . .
Ветер по полю гуляет,
Гуляет на воле, —
Над рекой тростник качает
И ковыль на поле.
По равнине по широкой
Пронесутся бури
А покуда — солнце блещет
В голубой лазури.
Казаки на юг несутся —
На татар идет ватага...
Песни громко раздаются,
На глазах у всех отвага...
. . . . . .
И плещет, колыхаясь, Дон
Своею мутною волною.
И снится Дону, что опять
Он стал Свободный и Великий,
А красная звезда лежит
Пронзенная казачьей пикой.

Ю. Питон. (Польша).

XLVIII.

Дорогих станичников поздравляю с двухлетним юбилеем литературной деятельности, шлю свой привет и наилучшие пожелания. Очень жалею, что не могу лично участвовать в общем празднике, — душой с вами.

Людмила Костина.

XLIX.

Милостивый Государь, Господии Редактор!

... Хочу и я пожелать Вам успеха сплотить вокруг журнала „Вольное Казачество" всех действительно вольных и свободолюбивых казаков. Мне одно не понятно как наши руководители до сих пор думают только о единой неделимой?. „Единая неделимая" достаточно нас отблагодарила. За тысячу девятьсот пятый год нас обвиняли за то, что мы пороли революционеров (хотя в этом деле участвовали и другие части русской армии), а теперь нас обвиняют те же неделимцы за то, что мы не пороли и допустили революцию и еще что мы не победили большевиков. Спрашивается, а где же была Россия и те неделимцы, которые теперь вешают всех собак на казаков, и почему другие не восстали против большевиков, а только казаки?

Отсюда вывод: никогда не нужно навязывать свою волю другим, как это сделали мы, казаки, перейдя свои границы. Россия приняла большевиков, ну и пусть себе, а мы прежде всего должны свои дома устроить, а потом, если сосед нас попросит, помочь ему, то тогда мы посмотрим. Достаточно Казачество поработало для России, а теперь пора бы взяться и за свои Края.

Неделимцы часто говорят: что, мол, представляют из себя Эстония, Латвия и т. д.? По моему они сохраняют свои родные края от разорения и издевательств и по силе возможности стараются прогрессировать, а не регрессировать, как это делается в Советской России. Мы же казаки, принесли в жертву идее единой неделимой столько лучших своих сынов, а остаемся опять виноваты во всем. Так давайте же с помощью Божьей собираться во единый Круг и решать свои собственные казачьи вопросы. Да поможет нам Господь в этом деле, а вам руководителям журнала, желаю силы и энергии в славном казачьем деле.

С совершенным почтением **А. Лысенко.** (Франция).

L.

Милостивый государь, г. Редактор!

... В теле и крови — ревностное желание участвовать в кругу собравшихся вольных казаков в память открытия журнала „В. К.," но из-за средств и далекой дороги это не представляется возможным. День вышеуказанный для нас, вольных казаков, есть высший дар, который добыт дорогой ценой и непосильным трудом. Мы, казаки Всевеликого Войска Донского и в числе младшего брата Кубани, 10 декабря отметим радостным торжеством, вспомним как наши отцы и деды ценили казачью идею, уклады и нравы независимого казачества, они закладали души свои, жертвовали целые семьи для спасения своего достоинства.

Смело надейтесь и доверяйте нам. Мы, верные сыны вольного Казачества, в час нужный и минуты не задумаемся, какую бы цену и жертвы не пришлось платить, с гордостью вручим атаману булаву, а мы хотя бы с оружием в руках, но против насильников охотно подымем знамя на защиту казачьих границ. Мы не стремимся угнетать и проводить деспотизм соседям и дальним, но ни в коем случае не желаем сами попасть в порабощение других... Вам и вашим сотрудникам сердечное спасибо. Вы рискуете жизнью, а нам открывается путь — бороться за право казачьих традиций.

Работайте до возможных сил, быть может час близок и нам рядовым придется всколыхнуться и взволноваться. Тогда сбросим с плеч чрезвычайки, террор и т. д. не будем военно-служащими Московскому княжеству, а останемся трудовым и вольным Казачеством с выборными Атаманами.

Любочанская колония — казаки и сочувствующие иногородние поздравляют всех собравшихся 10 декабря в память дня „В. К."

Доверенный **Садовников** (Чехия).

LI.

Милостивый государь, господин Редактор!

Поздравляю Вас и всех сотрудников со второй годовщиной существования любимого казачьего журнала „В. К.", желаю ему дальнейшего процветания. Дай Боже, чтобы следующую годовщину журнала нам праздновать в родных Краях. Дай Бог Вам успеха.

Ф. Якименко (Югославия).

LII.

Глубокоуважаемый Редактор!

В день двухлетия руководимого Вами журнала „Вольное Казачество", в день редакционного праздника, в день новых радостей и надежд, на дальнейшее мудрое плавание среди неизбежных в наше тяжелое время невзгод, приношу мои поздравления от всего сердца Вашему журналу, который зажег огоньки среди наших братьев казаков и да светится имя его еще светлей в эти страшные сумерки нашего рассеяния.

Д. Воротынский (Франция).

LIII.

Редакции журнала „Вольное Казачество".

Я и супруга моя поздравляем редакцию со второй годовщиной журнала. Дай Бог, чтобы этот юбилей был последним на чужбине, чтобы следующий праздник мы имели счастье отпраздновать на Родине, свободной и счастливой после большевицкой тирании. Пользуясь случаем, просим принять уверение в глубоком уважении и нашей преданности.

Михаил и Джикен Буджаловы (Франция).

LIV.

Поздравляю редакцию журнала „Вольное Казачество" с 2-х летней годовщиной и приношу душевную благодарность всей редакции. Желаю, чтобы издание журнала „Вольное Казачество" продолжалось еще на долгие годы, ибо для казаков и калмыков он необходим.

Б. Бембинов (Франция).

LV.

Мы, вольные казаки, шлем из Польши свой братский казачий привет нашей славной Редакции, пробудившей Казачество к вольной жизни. Двухлетняя упорная работа принесла блестящие плоды. Тысячи казаков, рассеянных по всему миру, в непроглядной ночи эмигрантской жизни с радостной надеждой устремляют свой взгляд к единственной манящей светлой точке, вспыхнувшей в славянской Праге.

Два года работы остались позади, но не конец еще трудам по собиранию Казачества. Бесконечные препятствия стоят на Вашем пути, бесчисленные стаи хищников — врагов казачьей вольности, рыщут вокруг, стараясь всеми путями уничтожить святую идею казачьей свободы.

Трудна работа, но Редакция не одинока.

Единым, общим фронтом мы пойдем на защиту казачьей Мечты.

В единении сила, — пусть будет лозунгом Редакции в начале 3-го года ее славного, — но вместе с тем тяжелого пути.

Да здравствует Вольное Казачество и честные борцы за него — сотрудники и редакция журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво".

За группу инж. **В. Донецкий** (Варшава).

LVI.

Глубокоуважаемый господин Редактор!

... К моему великому сожалению я не имею возможности, за дальностью расстояния, в этот знаменательный день в непосредственной близости к Вам разделить общую нашу радость по случаю второй годовщины выхода в свет первого номера редактируемого Вами журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво".

А радость для нас, вольных казаков, действительно большая. Вот уже ровно два года выходит казачий журнал, свободно высказанного казачьего слова, высказанного без никаких утаек и искривлений в одну или другую сторону, слова чистого, не отраженного и непреломленного ни в каких политических зеркалах и чужих призмах. Уже два года казаки имеют возможность читать то, о чем раньше приходилось только мечтать. За эти два года сотрудники журнала широко раскрыли страницы казачьего архива, который так тщательно от казаков скрывался раньше. За это время обширно освещены настоящее и будущее Казачества. За эти два года сделано то, чего противники Вольного Казачества не смогут уничтожить никогда. По случаю же исполнения двухлетия со дня выхода журнала „В. К." пожелаю Вам и всем сотрудникам сил и здоровья для продолжения и доведения до желательного конца начатого дела об'единения всего Казачества, освобождения казачьих территорий и создания одного Великого и сильного Вольного Казачества.

Помимо печатного вольного казачьего слова, что уже есть, большая услуга, в смысле ознакомления иностранной общественности с идеей вольного казачества, оказал бы и вольно-казачий фильм, к созданию которого надо всемерно стремиться.

С казачьим приветом **В. Булатный** (Югосл.)

LVII.

В редакцию журнала „В. К."

Поздравляю славных знаменосцев В. К. со второй годовщиной плодотворной работы по восстановлению Казачества. Дай Бог, чтобы под сенью поднятого Вами знамени возродилось могучее Казачество и зажило бы вольною жизнью освященной веками старины. Дерзайте братцы! Дерзайте за честь поруганного казачества и твердо держите поднятое Знамя. Сплотимся воедино под единым знаменем и воскликнем: Восстани, восстани, дорогое Казачество!!!

Ив. Шариков. (Югославия).

LVIII.

Редакции журнала „В. К."

К большому моему огорчению, я лишен возможности принять личное участие в устраиваемом вами редакторском чае, так как вынужден был выехать в санаторий для лечения и отдыха. Прошу поэтому принять от меня хотя бы письменное поздравление по поводу второй годовщины выхода в свет первого номера журнала „В. К.".

Века порабощения сделали свое дело. Ко времени революции мы почти полностью потеряли свое национальное самосознание. Кровавая история борьбы за свою независимость была забыта. К несчастью нашему, мы сами начинали уже смотреть на себя, как на военно-служилое сословие, как того хотели и всеми мерами добивались наши поработители и угнетатели.

Панували ясновельможные перевертни в гвардейских мундирах и без них, які допомогали москалеві господарювати, та з матері останню полатану свитину здіймати. И только в народных низах и в их неокрепшей еще интеллигенции мерцала искра смутного сознания своей национальной обособленности.

Исторический поворот 1917 года не дал погаснуть этой искре, и в 18-19 гг. она возгорелась пламенем яркого факела. Пусть руки Рябоволов, Кулабуховых, поднявших факел независимости, были еще недостаточно крепки, пусть временами их поступь к великой исторической цели была еще не достаточно ровной и быстрой. Но велика и бесценна их заслуга в том, что скорее чутьем неутраченного инстинкта они отгадали лучшие идеалы лучших борцов казачества за национальную независимость его, — Гординенка, Кальнишевского, Булавина, Некрасова. И теперь перед казачеством во весь рост стоят грандиознейшие задачи национального возрождения и освобождения.

Много ошибок сделано было в 17-19 гг., много неумения и неопытности было проявлено тогда. Много их будет и еще впереди. Однако, повторять старые ошибки было бы теперь преступлением. Изучить поэтому опыт недавнего прошлого, восстановить истинную историю казачества в целом и его отдельных ветвей, очистить его от всех извращений великодержавных историков, пробудить национальное самосознание нашего народа, обосновать историческую необходимость и неизбежность для Казачества борьбы за независимость, обеспечивать возможность молодым творческим силам создать национальную художественную литературу, подготовлять кадры идейно-убежденных борцов, — это те задачи современности, перед которыми должен остановиться всякий мыслящий и любящий свою родину казак.

Журнал „В. К." почти все эти вопросы поставил резко и отчетливо. На этом пути я горячо приветствую его и желаю в будущем столько годовщин выхода в свет первого номера, сколько потребуется до полного разрешения основных стоящих перед ним задач. Много злобы и клеветы придется вынести на своих плечах журналу. Но пусть почаще вспоминают руководители и сотрудники его слова Атамана Краснова, обращенные к негодующему Деникину по поводу снарядов и патронов.

Одного только по моему надо бояться пуще огня: это — людей со слишком гонко развитым „обонянием".

Ф. Воропинов. (Чехия).

LIX.

Уважаемый Редактор!

... Не имею возможности присутствовать лично, но мысленно я с Вами и шлю Вам свои сердечные пожелания. Приветствую Вас, господа, с историческим днем 10 декабря, в который два года тому назад было поднято вами попранное двенадцать лет тому назад знамя свободы и независимости казачьего народа. Выпуск первого номера журнала „В. К." в свет — совершенный сполох казачества. Пожелаем же довести до конца освободительное дело, за которое казачество так много пролило крови. Господа, в данный момент перед

нами, вольными казаками, предстал во весь рост вопрос государственного размера. Будем же достойными своего призвания, ибо Родина этого ждет.

Привет вам, **Козлов.** (Югославия).

LX.

Редакцию и сотрудников „Вольного Казачества" поздравляю с двухлетним юбилеем журнала. Трехлетний юбилей желаю отпраздновать не здесь, а у себя дома.

Ив. Егоров. (Бельгия).

LXI.

Многоуважаемый господин Редактор!

... Очень сожалею, что не могу присутствовать на большом казачьем празднике и шлю редакции, журналу и Вольному Казачеству свои наилучшие пожелания.

Инж. **Асеев.** (Польша).

LXII.

Високоповажний Пане Редакторе!

... Дозвольте вітати Вас, яко редактора журн.„В. К." з другою річницею його існування.

Ідея самостійного існування Козацтва також дорога нам, українцям, як і Вам, — всім Козакам.

Зі щирою пошаною **Ол. Алмазов.** (Подебради).

LXIII.

До Редакції журн. „В. К."

... Бажаю успіху і надалі в боротьбі за існування Вільного Козацтва.

З. **Івасишин.** (Подебради).

LXIV.

М. Г., Г-н Редактор!

... Я ограничусь искренним с целого сердца пожеланием Вам и всем присутствующим братьям В. К. счастливо провести этот торжественный праздник.

День 10 декабря был днем начала возрождения Вольного Казачества, а каждый последующий день увеличивал силы его. В продолжении этих двух лет, благодаря великим Вашим трудам и трудам всех сотрудников, силы Вольного Казачества настолько увеличились, что враги его должны считаться с ним, как с реальной силой. В нынешний день 10 декабря В. К. может смело смотреть в глаза своим врагам, смело может сказать им правду. Довольно вам хозяйничать на казачьих землях, настало время вернуть нам наши прежние вольности. Мы сами умеем распоряжаться своей собственностью и сумеем устроить свой казачий быт.

Еще раз благодарю Вас. Шлю привет Вам, всем сотрудникам, читателям В. К. и всем присутствующим.

А. Солдатов. (Польша).

LXV.

До редакції „В. К.".

Товариство б. вояків Армії У. Н. Р. має за шану вітати Вас з редакційним святом другої річниці існування журналу. Дай Боже роспочате Вами святе діло допроводити до світлої зарниці і роспорошене все вояцтво козацьке тут на чужині з'єднати під єдиний прапор вольностей козацьких, звільнивши рідний край від московських кайданів.

Слава Вам, невтомилі працьовники, що не дивлячись на тернистий шлях, відкриваєте світ-правду недолі козачого краю...

Прийміть вислови щирої до Вас пошани:

Гуцалюк (Голова Т-ва), **Гриценко** (секретарь).

Франция. Ліон.

LXVI.

... Дай Боже издателям журнала „В. К." идти на пользу всему казачеству всех Войск и Родному Краю. Желаю скорейшего возвращения на свои вольные земли. Да поможет Вам Бог в Вашем успехе, мой Вам земной поклон.

Подхорунжий **Александр Гринько.** (Югославия).

LXVII.

Глубокоуважаемые Вольные Казаки!

... И желаем вам провести ваш праздник в веселой беседе... И поможет вам Господь задуманное дело довести до конца, чтобы мы, казаки, увидели то счастье и ту жизнь, которую думаем дождать...

Да здравствует В. К.

Аким Молько. (Югославия).

LXVIII.

Вельмешановна Редакція!

... Сердешно жалкую, що не зможу бути в гурті вільних козаків в день других роковин праці Вільно-козачого органа. Бажаю щастя і долі всім тим, хто пішов на працю В. К.

З пошаною **А. Гузій.** (Болгарія).

LXIX.

Г-ну Редактору „В. К."

... Пожелаем Вам продолжать задуманную работу в более широком масштабе... Когда будет необходимо, то просим о нас не забывать, а мы, как сыны своего долга, отзовемся... Думаем, что в скором будущем вы нас позовете. **Н. Латышев.** (Польша).

Концертное отделение.

Большое удовольствие доставило всем присутствовавшим и концертное отделение вечера 10 декабря, в котором приняли участие m-me А. Билая (пение), В. А. Левицкий с супругой (пение), инж. В. Терещенко (пианино) и декламация г. г. инж. Влад. Полякова и В. В. Фролова.

Чередуясь с приветствиями, концертное отделение начал инж. В. Терещенко, блеснувший своей хорошей техникой и тоном.

В. А. Левицкий (вначале один, а потом дуэты с супругой) чаровал своим тенором, пропев почти все наилучшие оперные теноровые арии — (Из „Тоски", из „Риголето", из „Жидовки" и др.) и ряд романсов.

Прекрасно пела супруга редактора А. А. Билая песни Оксаны (из „Запорожца за Дунаем") — „Місяцю ясний" и „Ой казала ж мені мати"; далее — арию Гальки (на польском языке) и ряд романсов и словацких народных песен.

Очень понравились и Вл. Поляков и В. Фролов, прочитавшие — первый свое стихотворение „Восток зацвел" (из №. 40 „В. К."), а второй рассказ Б. Кундрюцкова „Арчадинская" (из „Каз. Сполоха") и одно из стихотворений П. Полякова.

От редакции.

Редакция журнала „В. К.“ искренно и сердечно благодарит всех своих гостей 10 декабря и всех тех своих читателей и сотрудников, которые поздравили ее в этот день скромного ее торжества.

День этот еще раз подчеркнул, что „В. К.“ стоит на правильном пути, что дорога „В. К.“ — есть Дорога всего Казачества.

Будем же и впредь общими казачьими силами делать Казачье Дело.

Думы и мысли.

В редакцию Журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“.

По поводу 2-х летняго юбилея уважаемого журнала, по моему мало поздравить или, иначе говоря, засвидетельствовать свою симпатию. Одновременно с этим в голову лезет неотвязчиво мысль: а к а к д а л ь ш е? Уменьшится ли разрозненность среди казачьей емиграции? Что собственно служит препятствием к полному согласию?

Вот уже десятый год на исходе, когда мы покинули пределы Родного Края. Ничто нас так не научило жить, как, именно, эта серая эмигрантская жизнь. Школа жизни заставила нас приспособиться к самым разнородным занятиям, но, к большому сожалению, мы еще никак не научимся правильно оценять свое положение, личные политические группировки мешают считаться с реальностью, не можем в конкретный способ выразить и обобщить свои, нужно сказать, подобные мысли, чувство тоски, тревоги за будущее Родного Края в один общий орган печати. Мы все мучительно переживаем свою тоску, оторванность от родных сторон, повторяем тысячи раз эти мысли при встречах, в письмах, в журналах, чувствуется родственность чувств, а этого об'единения чувств, необходимого для нас как и материальное существование, как раз и нет. Становится даже смешно и, вместе с тем, больно: переживаем одни и те же чувства, болеем одной и той же тоской, перебиваемся одинаково, пополам с бедой, на этой самой эмиграции, а в то же время не перестаем ругать один другого, смеяться с политической „наивности“ каждого.

Не кажется ли Вам, станичники, иногда что в этом кажущемся малом непонимании, кроется наша трагедия, не сказывается ли в этом повторение исторической наследственности — в преследовании своих же, честно думающих братьев, как в то же время, кто-то третий, пользуясь разногласием, брал одних и других под свою „высокую опеку“?

Неужели у нас и до сих пор не хватит политической отваги — протянуть один другому руку соглашения и осознать, что интересы нашей порабощенной Родины стоят, несравненно, выше личных интересов и амбиций многих из нас, которым, предугадывание их личных судеб, мешает честно отдаться службе своей Родины?

И назрел момент, когда единственным выходом из создавшегося положения — есть организация казачьего зарубежного с'езда. На этом то с'езде, может быть, а это должно наступить, удастся установить общую линию в отстаивании своих интересов... И мы, все разбросанные малыми и большими группами и одиночками по всему свету, в общей своей массе, представляем полную политическую бескрасочность, или вернее выражаясь, такую разноцветную радугу убеждений и взглядов, что речи о солидарности не может быть между нами-казахами, если не состоится созыв всеказачьего с'езда, на котором должна быть вылита в определенную форму н а ш а, как бы мы ни были между собою разрознены, всетаки общеказачья Идея и Цель. Нужно, как одной так и другой стороне пойти на компромисы, найти общий язык, который был бы понятен и нам и тем братьям, оставшимся под красным гнетом и не имевшим такой широкой возможности высказывать свои мысли, помня одно, что в единении и есть залог нашей будущности.

Беда нам, если результаты этого с'езда окажутся такими, каковыми оказались после зарубежного с'езда русских эмигрантов, но если бы даже это и сталось, то поставило бы нас пред двумя целями: первая — борьба за свой идеал, а вторая, не менее важная, — воспитание общей массы казачества до того сознания, когда с'езд дал бы положительные результаты. Силы, однако, пробовать надо, ждать нам нечего и я уверен, что казаки скорее сговорятся, нежели русские.

С уважением **Владимир Еремеев**.

До еміґрації в Бразилію.

Прочитавши у „В. К. про „Кубанців в Перу“, та замітку від Редакції про клімат у тій республіці, — я зацікавився козачою еміґрацією. У бразилійській географії я читав відносно клімату у Перу таке: на побережжі і в районі на схід від гор Андів клімат дуже гарячий, а в гористій місцевості — „mui temperado“ (дуже лагідний), вповні відповідав би для козаків. Що до продукції цього краю, то згадується: вата, тютюн, цукор, какао, кава, і т. п. Про пшеницю, жито, кукурузу, квасолю — ані слова.

Коли вже дійшло до козачої еміґрації до Америки, то і я хочу де-що написати про Бразилію, може й сюди приїдуть козаки шукати щастя у бразилійських лісах.

Коли я приїхав до Бразилії, то спочатку попав у штат Сан Павло на кавяні плантації. Рвав каву, а потім сапав. Клімат тут у літі гарячий, але вже й не настільки, щоб козаки не могли там жити. Садять головно каву.

Свобідних земель для еміґрації майже немає. а коли й є, то треба купити за добрі гроші. На заробітки на кавяні плантації нікому не раджу їхати, хоч туди охоче набирають робітників і оплачують подорож через океан. Отже штат Сан Павло не для козачої еміґрації. Инша річ штати Парана, Санта Катаріна і Ріо Гранде до Сул. У цих штатах клімат гарний, майже такий, як на Кубані, лише зімою нема великих морозів та снігу. Але й тут частенько зімою буває холодно і замерзає вода. Правда, що й по цих штатах є місцевості з гарячим у літі кліматом, та таких мало.

У штаті Парана та С. Кат—на вже живе українців з Галичини приблизно 40—60 тисяч. Виходить дві укр. газети: „Укр. Хлібороб“ та „Праця“ — тижневики.

Були такі, що вертался до Галичини, а потім знову приїздили до Бразилії, знаходили тут краще.

Звичайний тут наділ землі — 10 алкейрів (25 гектарів), називається „шакер“. Де-які колоністи мають по кілька „шакрів“. „Орють“ тут землю у такий спосіб: вирубується ліс, коли висохне — спалюється, а потім садиться кукуруза. Садять так: береться у руку довга палка з залізним наконешником, а у торбу кукуруза; одним легким ударом робиться кінцем палки ямка, куди й кидається 4-5 зернин кукурузи. На добрій землі кукурузу не треба й обполювати, бо вона й так добре росте.

На другий рік, коли збереться качанами кукуруза, стинають „фойсами“ (щось подібне до серпа — сокири) бадилля і спалюють; по спаленому розсівають пшени-

цю або жито і міленько присапують. Родиться тут велика солодка (batata doce), а також і наша звичайна картопля, квасоля, капуста, кавуни, томати, огірки і инша городина; ростуть європейські дерева і помаранчі (апельсіни). Виноград дуже добре родить і не треба його закопувати на зіму. Вино платиться добре. Мене дивує, що колоністи не звертають уваги на культуру винограду, льону або шовківництво, — от, мовляв, наше діло кукуруза, пшениця, жито, бо до цього звикли. Наші сояшники також добре ростуть, але їх ніхто не сіє, бо немає олійниць. Що-дня замісць олії вживається до їжі смалець, бо у кожного колоніста багато свиней. Молока і меду є досить. Є колоністи багаті і бідні, бо „хто як дбає — так і має“ Більшість не оре землю через те, що в землі зустрічається каміння. Є колонії де орють і плугами. Взагалі у Бразилії ніхто ще не помер з голоду.

Кожний господарь сидить на своему „шакрі“, так що тут люде пороскидані; немає наших станиць, де всі скупчені, а навколо — земді хліборобів

Але це можно завести при бажанню та при відповідній місцевості.

Європейцям найкраще надаються, ще раз повторяю, штати Парана, С. Катаріна і Ріо Гранде до Сул.

Зараз у штаті Парана, недалеко від Аргентини та штата С. Катаріни знаходяться ще не заселені землі. На ці землі їздили дивитися колоністи з моєї колонії Жанґади, де я учителюю в урядовій бразилійській школі (в 35 кілом. від міста Uniao da Victoria). Там, як мені розповідали, рівнина, багато черви (браз. чай), каміння нема, земля урожайна і годиться до орання, лише треба вирубати ліс; клімат також добрий. До тих земель вже цього року зробив уряд добру дорогу, по якій вже їздять вози та грузові автомобілі і вивозять відтіля черву. Де-хто вже покинув своє насиджене гніздо, свій „шакер“, і пішов на ті землі. Аби засісти на тих землях організовано та заснувати кооперативу — було б добре.

Чув я від своїх колоністів, що уряд продає ці землі по дешевій ціні; наділ землі виплачується еміґрантом на протязі 10—12 років.

Знаючи з „В. К.“ про від'їзд козачої еміграції до Перу, я зацікавився цими урядовими землями і написав до уряду штата Парани, прохання надіслати мені офіційні інформації про умови колонізації цих земель з метою подати їх до „В. К.“ Між иншим написав також до уряду: хто такі є козаки і як їх приймали в Перу, щоб звернути як-найбільшу увагу на козачу еміграцию. Коли одержу урядові інформації, то негайно надішлю їх до „В. К.“

Заявляю, що одиницями їхати до Бразилії на землю у дикий ліс не рекомендується.

С. Савицький.

В СССР.

По поводу подготовляемого монстр-процесса в Киеве.

Красный террор снова свирепствует по всей территории СССР. Массовые расстрелы начинают быть обычным явлением. Казнь вообще — „бытовым явлением“. В октябре — было казнено — 348 человек; в ноябре — 206.

Это — официально. А неофициально, — втихомолку — в бесчисленных застенках? Этого никогда и никакая статистика не установит точно. Красный террор вообще трудно поддается точному учету.

Интересно отметить, что на этот раз большевики пытаются оправдать свой бессмысленный и зверский террор, инсценируя комедию судебных процессов с целью публично „уличить“ авансом обреченных своих жертв в „антигосударственных“ злодеяниях и кознях.

Классическим примером этого quasi легального правосудия советских властей может быть подготовляемый как раз в Киеве грандиозный процесс против целого ряда выдающихся и заслуженных украинских деятелей с академиком С. Ефремовым во главе.

Украина — вообще больное место большевицкого государственного зодчества. Коммунистическая идеология не нашла благоприятной почвы в этой типически крестьянской стране. Украинское крестьянство долго и непримиримо боролось против красного нашествия из Москвы. Старая украинская интеллигенция не легко принимала новое вероучение Ленина.

Большевики тщетно пытались всевозможными способами большевизировать Украину, до принудительной „украинизации“ включительно. Силою они прибрали ее к рукам, но прекрасно понимают, что власть их в Харькове носит исключительно захватный и оккупационный характер.

Сталин, который показал себя политиком „твердой руки“, расправляясь беспощадно со всякого рода идеологическими „ересями“ в лоне собственной партии, решил повидимому подвергнуть последнему и окончательному искусу и мало благонадежную Украину.

Удар был расчитан правильно и преднамеренно должен обрушиться на главных представителей беспартийной интеллигенции, единственным преступлением которой была ее сознательная аполитичность по отношению к советскому режиму.

Оставшись там, не уходя в эмиграцию, они всецело отдали себя служению культурным нуждам своего народа и страны. Их трудно упрекнуть в политической антилояльности, но они — даже в тени красного террора — не потеряли своего человеческого и гражданского достоинства. А это является наибольшим „антиправительственным“ злодеянием у большевиков.

Особенно ненавистен им С. Ефремов, известный историк украинской литературы и боевой журналист без страха и упрека, который, фактически все время пребывая на положении заложника, имел мужество публично критиковать большевицкие прегрешения против культуры. (Напр., известное прошлогоднее его открытое письмо на страницах „Діла“, вызванное чрезмерным энтузиазмом некоторых галицких большевицких прихвостней советского „культурного творчества“).

Понятно, что большевики пылают жаждою расправиться с С. Ефремовым и с другими выдающимися украинскими культурными работниками.

Поэтому среди обвиняемых по киевскому делу, есть, напр., Чехо вский, один из главарей автокефального церковного движения на Украине, которое большевики, естественно, ненавидят. Большевицкая чека — хотела даже арестовать при этом „удачном случае“ и престарелую украинскую писательницу О. Пчилку; но так как она тяжело больна, вместо нее заложником арестован был ее зять.

Для вящей убедительности подготовляемого процесса, арестован был дальше целый ряд украинских культурных работников: Гермайзе, Гонцов, Дурдыковский, Матушевская и т. д.

Очень интересно и характерно, как организуется этот монстр-процесс. Арестованным по этому делу ставится в вину преступное соучастие в тайной революционной организации „Спілка Визволення України“, понятно, эмигрантского происхождения и состоящей на иждивении „какого-то европейского государства“.

Ясно тоже, что эта „С. В. У“ — стремилась к ниспровержению существующего государственного строя на Украине и что в ее распоряжении была боевая террористическая организация. с целью устраивать покушения на представителей большевицкой власти на Украине. Чревовещательно размазывает эту сомнительную историю большевицкая пресса. Знаменательно она изложена в официальном заявлении Г. П. У., сообщающего, что „виновники вполне и во всем сознались“. (!)

Словом, кровавое дело в Киеве организуется советскими заплечными мастерами по всем правилам большевицкого провокаторского искусства. Мы явля-

емся как раз свидетелями стадного „проявления стихийного негодования“ среди всех слоев УРСР, начиная с академиков и кончая — трудно еще предвидеть кем: возможно приютами для беспризорных малолетних детей.

Ясна — цель этого стадного „плебесцита“: создать соответствующую атмосферу для того, чтобы „в согласии с общественным мнением“ поставить обвиняемых к стенке. Ведь все „митинги“, состоявшиеся по этому поводу и все принятые ими резолюции — единогласно требуют беспощадного и „примерного“ наказания „виновников“, т. е., просто говоря, „высшей меры наказания“.

Понятно, что никакой тайной „С. В. У.“ — на эмиграции нет и что это просто провокационное измышление Г. П. У. Ясно тоже и то, что никто из обвиняемых политикой не занимался и в „политику“ попал исключительно благодаря тому же самому Г. П. У.

Словом, киевский монстр-процесс — это гнуснейший кровавый кошмар большевицкой провокации с целью устранить ненавистных советам культурных независимых работников.

Было бы недопустимым преступлением, если бы общественное мнение культурного мира не обратило на него своего внимания.

Сколько раз за последнее время Европа протестовала против „белого террора“, против „злоупотреблений“ американской и европейской юстиции.

Неужели-же — против действительного кошмара красного террора она не посмеет протестовать?! Неужели-же молча будет смотреть на то, как по всему необ'ятному СССР — ежедневно расстреливаются невинные люди или безнадежно погибают в большевицких застенках, или в кошмарно-ледяных Соловках?

Неужели-же Европа со своею „Лигою для защиты прав граждан и людей“ — не будет протестовать против ужасной кровавой расправы в Киеве, обреченными жертвами которой являются заслуженные украинские культурные работники и люди совсем не повинные в том, в чем обвиняет их большевицкая провокация?!

Полагаем, что молчать нельзя. Что молчать по таким вопиющим злодеяниям есть преступление. Надо, наконец, сорвать маску с медузиного лица большевизма и снова напомнить всему миру о гнуснейших злодеяниях красного террора!!!

В Казачьих Землях.

Кубанский зубровый заповедник.

Кубанскому высокогорному зубровому заповеднику ассигновано советским правительством 250 руб.

„Красное Знамя“ от 3-I-22 г.

„Понимание идеи охраны памятников природы есть диплом на высшую культуру государства“ — говорит энтузиаст и проповедник этих идей Г. Конвенц.

Проверяя эти слова на результатах оформления этих идей у различных народов и государств, можно найти этому полное подтверждение: Северо-Американские Соединенные Штаты, начиная с 1863 г., имеют 17 национальных парков, общая площадь которых равна 22.700 кв. верст (в 3 раза больше б. Черноморской губ.). Канада — 12 национальных парков, с площадью 18.000 кв. верст, с ежегодной посещаемостью до 1 миллиона людей. Национальные парки (заповедники) имеются также во всех государствах Западной Европы.

Вопрос об охране памятников природы на Кубани не новый и частично он поднимался рядом административных и научных деятелей и учреждений еще до большевицкого владычества.

Но лишь только в 1920 г. удалось образовать на территории Кубани национальный парк — заповедник вблизи верховьев р. Кубани. „Национальный“ парк назван „высокогорным зубровым заповедником“ и занимает в общей сложности пространства около 350 десятин. В газете „Красное Знамя“ от 3-XII-20 г. есть об этом соответствующее постановление за №. 408 Областного Ревкома. Вот некоторыя выдержки из этого постановления. „В виду государственной необходимости сохранения таких местностей, изменение которых повлекло бы за собой гибель навсегда редких животных, растений, красот природы и особенных невосстанавливаемых естественно-исторических ценностей местного Края, Кубанско-Черноморский Ревком постановляет: Впредь до выработки подробного плана мероприятий и точного обеспечения границ заповедников, запрещается:

1) Пастьба скота, рубка леса и всякая охота в нижеследующих лесных дачах нагорной полосы Кавказа в бывших (?) Казачьих дачах — Мало-Лабинской, Хамышейской, Мезмейской, в б. Казенных дачах, Больше-Лабинской, Мало-Лабинской, Ткачской и Сохайской...

2) Вследствие необходимости сохранения истребляемого ныне зубра, каковое истребление за последнее время приняло такие размеры, что грозит полным уничтожением этого редкосного зверя, назначается специальная охрана зубров в этих лесных дачах...“

Злые языки передают, что большевицкая „специальная охрана“ из 200 зубров (в 1913 г.) „едва сохранила“ всего навсего их 59 штук (в 1927 г.). Правда, зубрам приходилось весьма плохо от браконьерства, развивавшегося в эпоху Великой войны, а главным образом они пострадали от ... ген. Деникина и его „ставки.“ В 1919 году, чтобы „развлечься и хвастнуть“ перед знатными иностранцами, т. е. английским комаидованием при Штабе ген. Деникина, на теперешней территории заповедника устраивались грандиозные охоты.

Несмотря на протесты перед главным командованием Кубанского лесничества (понятно, весьма и весьма слабые), всевозможные животные уничтожались безжалостно в огромном количестве, в том числе, конечно, и зубры. После этих истребительных охот, на базарах г. Екатеринодара можно было приобрести, правда нелегально, ряд весьма красивых и ценных (единственных в мире) зубровых шкур...

Благодаря тому, что Кубанским заповедником заинтересовались иностранцы, большевики стали отпускать средства. правда, весьма небольшие, (около 250 рублей ежегодно) на поддержание заповедника. Насколько большой мировой интерес представляет наш национальный парк, видно хотя бы из письма присланного в мае 1928 г. Директором Иоземитского Национального парка (С.А.С.Ш.) м-ром Снодграсс. В этом письме (на английском языке) он запрашивает о состоянии зубров и о месяце, удобном для посещения парка американскими студентами-агрономами. Из Гамбурга делались запросы о стоимости нескольких зубров для известного зоологического в нем сада.

Так как верховье р. Кубани единственное место на земном шаре, где еще сохранились зубры, то я позволю привести здесь краткое описание высокогорного Кубанского зубрового заповедника и самых зубров. Границы заповедника, намеченные Комиссией при Музейной Секции 1920 г., приняты Комитетом по охране памятников природы Главмузея в таком виде:

Южная — линия начинается от горы Аутль, отсюда поперек рек Шахе, Бзыча, Сочи, Мзымты и Бзыби, на высоте, примерно климатической станции Романовск, далее по горному хребту от г. Аибги, а отсюда в пределах б. Абхазии, к Морухскому перевалу. Восточная граница проходит по р. Морухе до территории с. Ермолоки, где сворачивает направо, образуя северную границу заповедника, идущую пеперек реки Кефар, р. Уруп и большой Лабы до селенья Черноречье, пересекает р. Уруштен и прямой линией выходит на селенье Сохрай и Алексеевское, поворачивая далее на юг.

Западная граница — линия, идущая от селения Алексеевского, включая гору Оштен к перевалу Шахскому до горы Аутль. Эти границы окаймляют территорию, расположенную в высокогорной полосе Кавказа со скалистыми вершинами хребта, водопадами, с богатой растительностью, не затронутой человеческой культурой с девственными уголками природы. Кавказский хребет проходит по территории заповедника на протяжении свыше 150 верст, в некоторых местах поднимаясь даже выше снеговой линии (вершина Нилик 1578 с.).

Здесь же берут начало главнейшие притоки Кубани — реки Белая с Кишой, Малая Лаба с Уруштеном, Б. Лаба, Уруп, Кефар, Б. Зеленчук, Моруха и речки, впадающие в Черное море, — Шахе с Бзычем и Сочи, Мзымта и Бзыбь с Юшкарой. Реки богаты форелью, лососиной, образуют многочисленные водопады, горные озера (Кардыбач). Много минеральных источников; есть несколько источников „нарзана".

Животный мир заповедника представляет собою исключительно мировой интерес, как вследствие разнообразия обитающих в нем крупных фаунических видов, так и наличности редких эндемических для Кавказа видов животных, нигде больше не встречающихся на земном шаре,

На первом месте следует поставить зубра — (Bos-Bison, bonosus Caucasicus set) — всего по приблизительному подсчету ряда лиц около 50 голов, — сохранившегося в диком состоянии после истребления его в Беловежской пуще только на данной территории.

Зубр достигает до 3,6 метров длины, при высоте плеч 1,8 м. и взрослый весит 600—700 кило. Спина подымается от затылка и полого спускается к крестцу, так что загривок выдается в виде горба. Небольшие, круглые рога, направлены сначала наружу, вверх и несколько вперед, затем назад и внутрь, так что концы их приходятся над основанием.

Шерсть по всему телу состоит из длинных и мягких волос, сваливающихся на подбородке в виде бороды и образующих на голове, груди, плечах и шее длинную и широкую гриву. Общая грязно-светло-бурая окраска шерсти переходит по бокам головы и на бороде в черно-бурую, ноги темно бурые; хвост толстый круглый, конец черный. Зубры держатся стадами 30—40 голов. Питаются травой, листьями, зимой молодыми, побегами, почками и древесной корой. Пойманные в молодости легко приручаются, привыкают к неволе. однако, не становятся совсем ручными. Старые зубры-самцы живут в одиночестве, они дикие и злые и нередко сами нападают на человека. В старину мясо зубров считалось большим лакомством. Бывшим Российским правительством охота на зубров была воспрещена. Чучела зубров высоко расценивались заграницей и поэтому, не смотря на суровую ответственность, случаи браконьерства были весьма не редки.

Кавказский леопард, называемый некоторыми кавказскими барсом, водящийся на территории заповедника, тоже принадлежит к очень редким животным, Далее кавказский тур западного типа, кавказский олень, кав. медведь, серна. Более широко распространены кабан, козуля, рысь, дикая кошка, волк, лисица, к. шакал, лисица, барсук и друг. Из пернатых эндемические виды: кавказская горная индейка и к. тетерев. Крупные хищные птицы: ягнятник, грифы и различные орлы.

В ботаническом отношении заповедник не менее интересен. В его пределы входит значительная часть альпийской растительности, лежащей в заповедной провинции ботанико-географической альпийской области Центрального Кавказа. Интересны также и южные склоны лесной зоны для изучения реликтов третичной растительноети и история движения степной растительности в высокие зоны в послеледниковый период.

Из реликтовых растений здесь встречается свыше 12 видов, как то: тисс, рододендрон, лавровишня, кавказский чай, паддуб и проч. Лесная растительность поражает размерами отдельных представителей и своим первобытным характером: пихта (трех и более обхватов), дубы, буки, ели, каштаны, березы, орехи и друг. многочисленные представители.

Положение участка весьма удачное. Помимо того, что в нем представлены все главные ландшафты величественной горы природы, на нем есть пункты, с которых одновременно видны море, горная цепь и далекие степи Предкавказья. Это, при наличии всего остального, очень редкое сочетание, какого не найти нигде в мире.

Сохранение парка в настоящем виде будет иметь значение не только для Кубани, но и для всего культурного человечества. Заповедник является готовым, увлекательным и очень богатым естественно-историческим музеем, куда можно будет направлять летом сотни школьников-экскурсантов. Экскурсанты будут наблюдать здесь зональность растительности, работу ледников, роскошные водопады и много чудес природы. Они наглядно изучат естественную историю Кубанского Края и еще сильнее полюбят и будут гордиться своей родиной-страной „исключительных" красот и возможностей...

О. Батурин.

От редакции. Возможно, что вследствие некоторых затруднений, связанных с выходом „Календаря-альманаха В. К. на 1930 год", в январе месяце журнал „В. К." выйдет один раз двойным номером.

Календарь будет разослан в самое ближайшее время.

Открыта подписка на 1930 год.

на двухнедельный журнал литературный и политический

„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО"

Условия подписки:	на 3 мес.	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	18 кр.	35 кр.	60 кр.
В Польше	4.5 зл.	8 зл.	15 зл.
В Югославии	25 дин.	40 дин.	80 дин.
В Болгарии	50 лева	80 лева	150 лев.
Во Франции	15 фр.	25 фр.	40 фр.
В других странах	75 ам. ц.	$1^1/_2$ ам. д.	3 ам. д.

Редакция и контора: Praha-Vinohrady, Radhoštská,9. Tchécoslovaquie.

Цена отдельного № в розничной продаже: в Ч. С. Р. — 3 кр., в Польше — 0·75 зл., в Югославии — 5 дин., в Болгарии 10 лева, во Франции — 2 фр. 50 с. В других странах — 15 ам. ц.

ВЫШЕЛ И ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ

КАЛЕНДАРЬ-АЛЬМАНАХ

„ВОЛЬНОГО КАЗАЧЕСТВА–ВІЛЬНОГО КОЗАЦТВА“

на 1930 год.

В литературно-политическом сборнике-альманахе календаря помещены следующие статьи и произведения:

И. Билый. Казачья Идея.
Конст. Поляков. Родная Песня.
Ис. Быкадоров. Казакия (историко-географический очерк).
Л. Самсонова. Путь. (Поэма).
Д-р С. Федоров. Краткий очерк истории Казачества.
С. Балыков. Калмыкам. (На калмыцком языке).
С. Савицький. *** Вірш.
П. И. Кокунько. Батарейка Тиховского. (Странички прошлого).
П. Крюков. Донцам. Стихи.
В. П. Елисеев. Два раза под Петроградом.
Виктор Карпушкин. *** Стихи.
М. Бытынський. Казачьи гербы.
Ал. Персидсков. Казакия. Стихи.
И. Билый. Территория и население Казачьих Земель.
Я. Рудик. *** Вірш.
Инж. **В. Бейсуг.** Экономический очерк Казачьих Земель.
Л. Костина. Снежные искры. Стихи.
Вл. Куртин. Осколок.
Ф. Полковников. *** Стихи.
Санжа Балыков. Чонкушка.
Вл. Поляков. *** Стихи.
А. А. Гейман. По закону или не по закону?
Олександр Півень. Рак-неборак-взаду очі.
Сергей Макеев. У ворот Кубани.
Ив. Бойко. *** Стихи.
Гнат Макуха. Могила.
Борис Кундрюцков. *** Стихи.
Вадим Курганский. Приход.

В виду большого интереса со стороны казачьей эмиграции к первому казачьему календарю-альманаху и идя навстречу просьбам казаков о его удешевлении, окончательная цена календаря назначена:

в Ч. С. Р. — 15 к. ч.; заграницу — $^1/_2$ ам. доллара.

Каждый казак должен иметь казачий календарь на 1930 год.

Vydavatelé: Ignat Bilyj a Terentij Starikov. — Odpov. redaktor: Jaroslav Strohschneider. Novinová sazba povolena řed. p. a t. čís. 54197-VII.-1929. Tiskem Slovanského oddělení při knihtiskárně A. Fišer. Praha-Strašnice č. 289.